

IRENA WODZIANOWSKA* – LUBLIN

Z ARCHIWALIÓW ANTYKOŚCIELNEJ POLITYKI NA ZIEMIACH ZABRANYCH (1866)

Po powstaniu styczniowym administracja carska na Ziemiach Zabranym z wielokrotnością swoje działania przeciw Kościołowi katolickiemu, jednocześnie na różne sposoby wzmacniając pozycję Cerkwi prawosławnej. Urzędnicy upatrywali w prawosławiu jeden z podstawowych czynników utrwalenia wpływów rosyjskich w zachodnich guberniach imperium. Walka administracji rosyjskiej z katolicyzmem nasiliła się wyraźnie od lat trzydziestych do siedemdziesiątych XIX wieku, kiedy stało się jasne, że pełna inkorporacja terytoriów zachodnich, przy zachowaniu na tych ziemiach silnego Kościoła katolickiego, była dla Rosji niemożliwa.

Po wybuchu powstania styczniowego odwołano generał-gubernatora wileńskiego Władimira I. Nazimowa, a na jego miejsce powołano M. N. Murawiewa¹, osobę, która stała się symbolem postaw władz carskich wobec Polaków i Kościoła na tych ziemiach. Osławiony generał-gubernator złożył carowi w dniu 14 maja 1864 r. notatkę, w której wyraził swoje poglądy o metodach, jakie w przyszłości

---

* Irena Wodzianowska – dr historii, adiunkt w Instytucie Historii Wydziału Nauk Humanistycznych KUL

¹ Michaił Nikołajewicz Murawiew (1796-1866) od 1828 gubernator mohylewski. Podczas powstania 1831 roku był przy sztabie armii i skutecznie działał przeciw małym oddziałom w witebskiej, mińskiej i wileńskiej guberni, zajmując się jednocześnie prowadzeniem obszernego śledztwa o politycznych przestępstwach i urzędzeniem cywilnej administracji w Zachodnim Kraju. W 1831 został gubernatorem grodzieńskim, w 1832 – mińskim, później kurskim, gdzie na długo zostawił po sobie złą sławę z powodu surowego egzekwowania od chłopów zaległych podatków. W 1842 – senator i dyrektor korpusu granicznego, w 1850 – członek Państwowej Rady. W latach 1857-1861 – minister dóbr państwowych, 1863-1865 – generał-gubernator wileński. Stłumił krwawo powstanie styczniowe na Litwie podejmując ostre środki nie tylko wobec poszczególnych osób, ale i przeciw całym miejscowościom. Zesłał prawie 5000 ludzi na Syberię, sekwestrował majątki, nakładał kontrybucje, usilnie starał się rusyfikować kraj. Na podstawie: *Энциклопедический Словарь*, изд. Ф. А. Брокгаус, И. А. Ефрон, Санкт-Петербург 1890-1904 (dalej: ЭС), t. 39, s. 190-191; M. N. Murawiew, *Wspomnienia*, Warszawa 1980.

należało zastosować w Zachodnim Kraju², a realizację których on już rozpoczął. Car przesłał ją do omówienia Komitetowi Zachodniemu³, który zgodził się z Murawiewem, że „rząd nie może dopuścić, by Kraj w którym 5/6 mieszkańców stanowią Rosjanie wyznania prawosławnego, był kiedykolwiek uznany za polski i pozwolić, by na przestrzeni wielu dziesięcioleci rozwijał się w nim element polski”⁴. Dlatego, zdaniem Komitetu, należało w przede wszystkim na tych ziemiach utwierdzić panowanie Rosji poprzez: wzmocnienie pierwiastka rosyjskiego w tych guberniach; podniesienie prawosławia i polepszenie bytu duchowieństwa prawosławnego; nadzór nad katolickimi księżmi, obsadzenie przez urzędników pochodzenia rosyjskiego wszystkich wyższych stanowisk urzędowych; wprowadzenie do kraju żywołu rosyjskiego, drogą kolonizacji ziem anektowanych przez włościan rosyjskich i sprzedaż majątków Rosjanom wszelkich klas społecznych oraz rozdawnictwo dóbr skonfiskowanych w nagrodę dla zasłużonych urzędników i oficerów.

Murawiew uważał duchowieństwo za głównego sprawcę powstania, dlatego nie przebierał w metodach w stosunku do księży katolickich. Posługiwał się zarówno usunięciem z probostwa jak i zsyłką czy karą śmierci⁵. W pierwszym roku rządów Murawiewa zapadło sześć wyroków śmierci na osoby duchowne. Do lipca 1864 r. skazał na zsyłkę na Sybir 92 księży⁶. Murawiew użył wszelkiego nacisku na hierarchię Kościoła katolickiego na Litwie i Białorusi, aby ogłosiła potępienie ruchu powstańczego na tych ziemiach.

Swoje sprawozdanie z zarządzania Północno-Zachodnim Krajem hr. Murawiew kończy słowami: „błagam Boga, aby naczelnicy i rząd nie dał się uwieść powszechnym europejskim ideom humanitaryzmu i rzekomą jednością rasy obywateli całego Cesarstwa [...] Czas już wielki, by Rosja i wszyscy Rosjanie przekonali się, że z polskością nie można i nie należy czynić ugody, gdyż rokosz powinien zniknąć bezwzględnie [...], humanitaryzm i ustępstwa są w tym wypadku zbrodnią przeciwko Rosji. Oto moje przekonania, oparte na doświadczeniu, w przeciągu 40-letniego głębokiego badania Kraju Północno-Zachodniego”⁷. W 1865 r. car odwołał Murawiewa jako zbyt osławionego okrutnika.

---

² Gubernie zachodnie cesarstwa podzielone zostały na generał-gubernatorstwo wileńskie, w skład którego wchodziły gubernie: wileńska, kowieńska, grodzieńska, witebska, mohylewska i mińska – Północno-Zachodni Kraj oraz generał-gubernatorstwo kijowskie: gubernie wołyńska, kijowska, podolska – Południowo-Zachodni Kraj.

³ Komitet Zachodni został powołany do rozważania spraw litewsko-ruskich guberni na mocy ukazu Mikołaja I z dn. 14 IX 1831 i istniał do 1848 roku. Wznowił prace w latach 1862-1864. Po jego zamknięciu, sprawy przez niego prowadzone zostały przekazane Komitetowi Ministrów. H. Mościcki, *Pod berłem Carów*, Warszawa 1924, s. 280.

⁴ Lietuvos Valstybes Istorijos Archyvas (dalej: LVIA), f. 1267, ap. 1, b. 27, k. 87, 120.

⁵ Udokumentował te prześladowania ks. P. Kubicki w: *Bojownicy kapłani za sprawę Kościoła i Ojczyzny. 1861-1915*, Sandomierz 1936, s. 6, 33, 37, 40, 49, 169, 728.

⁶ W. Urban, *Ostatni etap dziejów Kościoła w Polsce przed nowym tysiącleciem (1815-1965)*, Rzym 1966, s. 161.

⁷ H. Mościcki, *Pod berłem Carów*, s. 218, 231.

Jego następcą został mianowany generał-adiutant Konstantin P. von Kaufman⁸. Kaufman w ciągu kilku miesięcy odwiedził ważniejsze miasta Północno-Zachodniego Kraju, wszędzie wygłaszając przemówienia do ludności, w których zwracał uwagę na postępowanie duchowieństwa łacińskiego i na rolę właścicieli ziemskich. Generał-gubernator dn. 31 stycznia 1866 roku⁹ powołał Specjalną Komisję do spraw rzymskokatolickiego duchowieństwa pod przewodnictwem rzeczywistego radcy stanu A. P. Storożenki, która później ze względu na charakter prac nazwana została Rewizyjną¹⁰. W piśmie do Storożenki generał-gubernator stwierdził, że „wydarzenia ostatniego polskiego buntu, mocno wstrząsnęły tutejszą rdzennie rosyjską ziemią. Ustalony fakt, że rzymskokatolickie duchowieństwo odegrało główną rolę w tym powstaniu – zmusza władze przedsięwziąć środki do tego, by unieszkodliwić je na przyszłość, tym bardziej, że księża do dnia

⁸ K. P. Kaufman (1818-1882) generał-adiutant – w 1856 objął obowiązki naczelnika sztabu J. C. M., został członkiem Rady Cesarskiej Akademii Wojskowej oraz generał-majorem i naczelnikiem głównym sztabu. W 1861 został mianowany dyrektorem kancelarii Ministerstwa Wojny i brał czynny udział w różnych komitetach zajmujących się reformą wojska. W latach 1865-1866 generał-gubernator wileński i dowódca Wileńskiego Okręgu Wojskowego. W październiku 1866 otrzymał urlop, ustępując miejsca generał-adiutantowi E. T. Baranowowi. Po urlopie otrzymał nominację na dowódcę Turkiestańskiego Okręgu, gdzie odznaczył się zdobyciem Samarkandy (1868) i Chiwy (1873). W 1875 roku dowodził wyprawą do Kokanu, który przyłączono do Rosji pod nazwą „obwo-
du Fergańskiego“ i włączono do generał-gubernatorstwa turkiestańskiego. W Taszkencie założył szkołę i bibliotekę publiczną. Przyczynił się do zbadania Turkiestanu, udzielając pomocy wyprawom naukowym i osobom podejmującym badania. Za zasługi położone na tym polu uzyskał godność honorowego członka Cesarskiego Towarzystwa Geograficznego. Na podstawie: ЭС, t. 28, s. 775.

⁹ Z. Olszamowska-Skowrońska w artykule *U źródeł rusyfikacji Kościoła na Litwie po r. 1863*. „Przegląd Powszechny” 48 (1931), t. 189 i ks. prof. B. Kumor w 7 tomie *Historii Kościoła* mylnie podają rok powstania Komisji jako 1865.

¹⁰ W dokumencie powołującym Komisję Kaufman podał jej skład osobowy: przewodniczący A. P. Storożenko (1805-1874), od 1863 służył przy Murawiewie, marszałek szlachty w powiecie brzeskim; kierownik Specjalnej Kancelarii wileńskiego generał-gubernatora rzeczywisty radca stanu Iwan A. Nikotin, rzeczywisty radca stanu Nikołaj Dieriewicki oraz urzędnicy do specjalnych poleceń – radca kolegialny Aleksander D. Łaptiew i sztabrotmistrz Władimir F. Samarin; dramatopisarz i beletrysta Łuka N. Antropow; inspektor Okręgu Szkolnego w Kownie Nikołaj N. Nowikow, generał-lejtnant A. F. Ozierow oraz członek Specjalnej Komisji Śledczej Nikołaj W. Jugan. Generał-gubernator von Kaufman zaprosił do uczestniczenia w posiedzeniach Komisji także prawosławnego dziekana wileńskiego Wiktora Gomolickiego; sławistę, asesora kolegiального Piotra A. Biezonowa, inspektora Wileńskiego Okręgu Szkolnego radcę kolegiального Wasilija P. Kulina; głównego redaktora i wydawcę *Вестника Западной России*, kolegiального radcę Ksenofonta A. Goworskiego; generał-majora Wasilija F. Raczca, któremu Murawiew zlecił opisanie polskiego powstania 1863 r. w zachodnich guberniach i w tym celu pozwolił mu na uczestniczenie w pracach komisji śledczych. W 1867-1868 w Wilnie zostały wydrukowane dwa tomy tego opisu: *Сведения о польском мятеже 1863 года в Северо-Западной России*. Podczas przygotowania 3 tomu – wzbudził niezadowolenie ówczesnego generał-gubernatora Potapowa – i poddał się dymisji w 1869. W skład Komisji weszli ponadto – starszy nauczyciel Paweł J. Roszczin i kolegialny registrator Ignacy Kozłowski, ekskiądz pochodzący z mohylewskiej archidiecezji. LVIA, f. 378, g. 1866, b. 1340.

dzisiejszego nie przestają nadal tajnie działać przeciwko rządowi”¹¹. W celu osłabienia wpływu księży na katolicką ludność kraju należało, jego zdaniem, szczególnie surowo nadzorować dokładne wykonywanie przez to duchowieństwo wszystkich dotyczących go przepisów i rozporządzeń rządu oraz wprowadzić czujny nadzór nad osobą każdego księdza.

Zakres prac Komisji był znacznie szerszy, niż określił go generał-gubernator¹². Zbierano informacje o zakonach i klasztorach oraz parafiach i liczbie ludności wyznania rzymsko-katolickiego; opracowano mapy geograficzne guberni Północno-Zachodniego Kraju z zaznaczeniem katolickich klasztorów, kościołów, filii i kaplic, a także miast, miasteczek, osad, zaścianków i folwarków, które należały do poszczególnych parafii; zredagowano zbiór przepisów dotyczących duchowieństwa katolickiego; rozstrzygnięto kwestie zwyczajów religijnych jak rozdawania opłatków w wigilię Bożego Narodzenia; uregulowano sposób przynoszenia Najświętszego Sakramentu do chorych i umierających; porządek odmawiania modlitwy za cara i dom panujący w kościołach. Debatowano nad usunięciem języka polskiego i wprowadzeniem rosyjskiego w kościołach; likwidacją diecezji mińskiej; wprowadzeniem świeckiej kontroli w konsystorzach; reorganizacją seminariów duchownych; utworzeniem urzędowego nadzoru nad kazaniem, wygłaszanymi w kościołach; zwyczajem strzelania z moździerzy przy kościołach z okazji rezurekcji. Opracowano regulacje prawne o bractwach kościelnych i o 40-godzinnym nabożeństwie¹³.

Działalność Komisji z tak szeroko zakrojonym programem trwała ponad dwa lata. Wszystkie informacje potrzebne do pracy były dostarczane przez kierownika Specjalnej Kancelarii generał-gubernatora Nikotina. Poza tym Komisja mogła kontaktować się z gubernatorami, duchowieństwem prawosławnym i katolickim, a także zapraszać na swoje posiedzenia te osoby duchowne obu wyznań, które zdaniem jej członków mogły dostarczyć niezbędnych wyjaśnień. Storożenko konsultował się z biskupem Adamem Wojtkiewiczem, odnośnie reformy w seminariach, a rzeczywisty radca Dieriewicki przeprowadził rozmowę z prawosławnym bpem Antonim na temat możliwości kasaty katolickiej diecezji mińskiej. Prorządowy ks. B. Zauściński na prośbę Komisji przedstawił swój projekt reformy seminariów duchownych. Do konsystorzy zwracano się z prośbą o informacje o czasie trwania nauk w seminarium, ponadetatowych klerykach, 40-godzinnym nabożeństwie, bractwach, sanktuariach i tym podobnych sprawach omawianych w Komisji. Za pośrednictwem gubernatorów dowiadywano się o liczbie katolickich klasztorów, parafii, ludności, a także o liczbie osób, które przeszły na prawosławie,

¹¹ LVIA, f. 378 bs, g. 1866, b. 1340, k. 1.

¹² LVIA, f. 378 bs, g. 1866, b. 1340, k. 68 v.-69.

¹³ Z badań ks. A. Ważyńskiego - *Litwa pod względem prześladowania w niej rzymsko-katolickiego kościoła szczególnie w diecezji Wileńskiej od roku 1863 do 1872*, Poznań 1872, s. 17-18; oraz ks. Urbana - *Ostatni etap dziejów Kościoła w Polsce*, s. 169 – wynika, że plany Komisji obejmowały również przekształcenie Akademii Duchownej w Petersburgu w Wydział Teologiczny miejscowego uniwersytetu oraz wykrycie wszystkich unitów którzy po kasacie Cerkwi greckokatolickiej w 1839 roku, zdołało przejść do Kościoła rzymskokatolickiego. Jednak materiały archiwalne Komisji nie zawierają wzmianek na te tematy.

o lojalności księży, o konieczności zamknięcia niektórych kościołów. Litewski Prawosławny Konsystorz poproszono o informacje na temat byłych unickich cerkwi, które po 1798 r. zostały przejęte przez rzymskokatolickie duchowieństwo, a także o obrazach szczególnie czczonych w Zachodnim Kraju.

Praca w Komisji polegała na zbieraniu informacji na dany temat, następnie referowaniu na posiedzeniach, dyskusji lub przyjęciu zaproponowanych ustaleń. Postanowienia Komisji wpisywano do dziennika, a przewodniczący przedstawiał je w raporcie¹⁴ generał-gubernatorowi, który albo je zatwierdzał, albo wysyłał do Petersburga z prośbą o decyzje. Wszystkie rozporządzenia zredagowane przez Komisję wychodziły z Kancelarii generał-gubernatora lub z Departamentu Wyznań Obcych MSW.

Prowadzone przez nią sprawy po zamknięciu, nie podlegające kompetencji generał-gubernatora, jak na przykład podstawy prawne i dogmatyczne niektórych spraw, zostały przekazane ministrowi spraw wewnętrznych. Pozostałe natomiast raporty o charakterze rozporządzeń administracyjnych i statystycznych zostały udostępnione Kancelarii generał-gubernatora do dalszego opracowania¹⁵.

Członkowie Komisji Rewizyjnej byli lojalnymi poddanymi cara, którzy Polaków i katolicyzm w Zachodnim Kraju postrzegali jako zagrożenie dla Rosji i unifikacji „rdzenie rosyjskich” ziem z imperium. Był to według nich element buntowniczy, wrogi wobec rządu i panującej religii, który wszelkimi sposobami należało zniszczyć. Byli to wierni naśladowcy Murawiewa i niejeden z nich w 1886 r., kiedy odsłaniano pomnik Murawiewa w Wilnie, wspominał te czasy jako „epokę Murawiewa”, w której wszystko co rosyjskie miało możliwość rozwoju i wzrostu.

Powodem powołania Komisji Rewizyjnej do spraw duchowieństwa katolickiego był aktywny udział duchowieństwa w powstaniu 1863 r. Celem Komisji było więc unieszkodliwienie go na przyszłość przez wypracowanie reguł surowego nadzoru, wszystkich rozporządzeń dotyczących osób duchownych już wydanych przez rząd jak i opracowanie nowych oraz położenie kresu rozpowszechnianiu się katolicyzmu i polonizmu w Północno-Zachodnim Kraju¹⁶. W systemie ru-

¹⁴ W 1866 r. odbyło się 71 posiedzeń, wysłano 111 raportów do generał-gubernatora, w tym jeden podsumowujący roczną działalność Komisji. W 1867 r. zwołano 37 posiedzeń oraz napisano ponad 60 raportów i w tym także jeden podsumowujący dotychczasową pracę w Komisji, natomiast w 1868 r. odnotowane są tylko 3 posiedzenia w ciągu 5 miesięcy pracy i 72 raporty. LVIA, f. 378 bs, g. 1866, b. 1340, 2522; g. 1867, b. 2526.

¹⁵ LVIA, f. 378 bs, g. 1866, b. 1340, k. 69v.

¹⁶ Okólnikiem z dnia 11/23 VII 1864 r. generał-gubernator ograniczył swobodę ruchów duchownych na terenie powiatu i liczbę nowicjuszy w klasztorach. Okólnik z 1866 r., wydany przez gubernatora wileńskiego, zabraniał księżom odprawiania jakichkolwiek nabożeństw poza terytorium swojej parafii. Gubernator wileński zobowiązał duchowieństwo katolickie do starania się u władz cywilnych o pozwolenie na odbycie uroczystych pogrzebów. Natomiast ukaz z 1868 r. przypomniał duchowieństwu katolickiemu polecenie obowiązujące od 1848 r., które zabraniało spowiadać obcych parafian. W zarządzeniu z 1866 r. zabroniono zbierać się na rekolekcje i inne zgromadzenia w klasztorach i w miejscowościach nie posiadających lokalnego posterunku policji. Według rozporządzenia Murawiewa nie można było dopuszczać do nominacji księży na parafie bez zgody miejscowych władz, ani w większej ilości niż ta, która odpowiadała liczbie parafii. Nie wolno

syfikacyjnym, który prowadził rząd na tych ziemiach nie było miejsca na rozwój lub szerzenie innych kultur niż rosyjska, innych wyznań niż prawosławie. Stąd zadaniem Komisji było opracowanie planu zniszczenia Kościoła katolickiego poprzez zamykanie kościołów i diecezji, nadzór nad osobą każdego duchownego, administracją i majątkiem kościelnym, katechizacją, kazaniem oraz zwyczajami i obrzędami religijnymi, a także przez wprowadzenie języka rosyjskiego do nabożeństw.

Członkowie Komisji uważali, że działalność duchowieństwa katolickiego powinna być ujęta w prawne formy i granice. Seminaria duchowne należało zreorganizować, by w przyszłości wychodzili z nich księża, którzy mogliby służyć za wzór Rosjanina i obywatela. Rozpowszechnieniu katolicyzmu powinien być położony kres, między innymi przez zmniejszenie liczby parafii, zamknięcie jeszcze istniejących klasztorów, kasatę diecezji mińskiej. Wszystkie zwyczaje wprowadzone przez duchowieństwo i szkodliwe dla państwa w sensie politycznym i religijnym powinny być zniesione, jak np. rozdawanie opłatków, publiczne przyniesienie wiatyku, 40-godzinne nabożeństwa, bractwa¹⁷.

Opracowane przez Komisję projekty zostały wprowadzone w życie. Tak na przykład w 1869 r. skasowano diecezję mińską¹⁸, a zdanie Komisji uwzględniano także przy kasacie parafii, kaplic i filii¹⁹. Opracowania Komisji dotyczące wprowadzenia języka rosyjskiego do nabożeństw posłużyły ministrowi spraw wewnętrznych A. Timaszewowi i petersburskiemu Komitetowi za podstawę przy podjęciu decyzji w 1869 r. Specjalny Oddział zorganizowany przy Komisji zajął się tłumaczeniem modlitewników, kazań i rytuału²⁰ na język rosyjski. Zatwierdzono również propozycje Komisji odnośnie czytania kazań tylko ze zbiorów Biało-

---

było również wstępować do zakonów i seminariów duchownych bez pozwolenia władz cywilnych. Urban, dz. cyt., s. 203; A. Ważyński, dz. cyt., s. 52-53.

¹⁷ Komisja uznała za niezbędne skasować wszystkie bractwa na podstawie artykułów nr 164, 166, 167, 168 t. IX Zbioru praw i rozporządzeń Cesarstwa Rosyjskiego, zabraniających otwierania w jakimkolwiek mieście bractw i towarzystw nie zatwierdzonych przez rząd. LVIA, f. 378 bs, g. 1866, b. 2522, k. 65 v.

¹⁸ Powody które wskazywały na niezbędność likwidacji diecezji były następujące: posiadała ona małą liczbę katolików; po kasacie diecezji rząd dokona oszczędności; zmniejszy się liczba osób wrogo nastawionych do prawosławia; za połączeniem diecezji mińskiej z wileńską przemawiały też względy geograficzne jak i historyczne. Po zreferowaniu całej sprawy carowi Aleksandrowi II, w styczniu 1868 roku zapadła decyzja o likwidacji diecezji, którą przeprowadzoną rok później. *Полное Собрание Законов Российской Империи*, т. 44, nr 47307; LVIA, f. 378 bs, g. 1866, b. 2522, k. 32-33 i b. 1340, k. 55-57, 85-87.

¹⁹ Tylko w guberni grodzieńskiej Komisja doliczyła się 122 kościołów parafialnych, 73 kaplic i 12 filii. Z tej liczby proponowano skasować 122 obiekty sakralne. W niektórych dekanatach sugerowano zostawić tylko dwie lub trzy parafie, jak np. w słonimskim – 2 z 24, prużańskim – 2 z 11. Proponowano skasować 57 kościołów, 57 kaplic i osiem filii. Do 1872 roku zostało zlikwidowanych łącznie 86 świątyń. Dwie z nich zostały zburzone, a 28 przekazanych cerkwi prawosławnej. Na podstawie: LVIA, f. 378 bs, g. 1866, b. 2274, k. 1-667; g. 1867, b. 2526, k. 13-17 v., 29-30; g. 1871, b. 2409, k. 1-42.

²⁰ Ukazał się drukiem w Wilnie w 1869 r. pod tytułem *Trebnik*. Tekst polski został całkowicie usunięty z tekstów liturgicznych, a zastąpiony rosyjskim.

brzeskiego i Filipieckiego²¹. Wydrukowano opracowany przez członków Komisji zbiór przepisów i rozporządzeń dotyczących duchowieństwa katolickiego²². Od 1867 roku wymagano, aby modlitwy za cara odmawiano tylko w języku rosyjskim, a przed zakończeniem nabożeństwa galowego nikt nie mógł pod karą opuścić wcześniej świątyni. Kapłan idąc z wiatykiem do chorego, nie mógł dawać wiernym żadnego znaku dzwonkiem (1866). Zabroniono odprawiania 40-godzinnego nabożeństwa, roznoszenia opłatków przed Bożym Narodzeniem. Inne opracowania i projekty Komisji posłużyły jako podstawy do dalszych rozporządzeń władz.

Powstanie styczniowe, jak pisał jeden z członków Komisji „jeszcze w porę otworzyło nam oczy na właściwy dla tego Kraju, a tak zaniedbany rosyjski pierwiastek. W ślad za uśmierzeniem zbrojnego buntu, wszystkie starania rządu zostały skierowane na tzw. „obrusienije kraja” – rusyfikację. Jaka – dodawał – dziwna i smutna gra słów: rusyfikacja rosyjskiego kraju!”²³.

Twórcą jednego z najobszerniejszych memoriałów ogłoszonych na posiedzeniach Komisji był redaktor „Вестника Западной России” kolegialny radca stanu Ksenofont Antonowicz Goworski. Po ukończeniu gimnazjum Goworski w 1829 roku wstąpił do seminarium greckokatolickiego w Żyrowicach. W trakcie kasaty Cerkwi Greckokatolickiej w imperium rosyjskim przeszedł na prawosławie. Tekst jego autorstwa pt. „Metody zniszczenia katolicyzmu w Zachodniej Rosji”²⁴ oraz plan rządowego nadzoru nad kazaniem i katechizacją zostały wysłane z Wilna do ministra spraw wewnętrznych w Petersburgu²⁵.

W obszernym tekście memoriału²⁶ Goworski zawarł większość postulatów Komisji Rewizyjnej odnośnie Kościoła katolickiego: kasaty parafii, bractw, klasztorów, przy równoczesnym promowaniu duchowieństwa prawosławnego, zachęcaniu wiernych i kapłanów katolickich do przejścia na prawosławie, rozwoju bractw prawosławnych.

Goworski przedstawił plan zacierania różnic pomiędzy katolicyzmem a pra-

²¹ Filipiecki, jezuita, żył w drugiej połowie XVIII wieku. Przez 11 lat był kaznodzieją w arcybiskupstwie lwowskim, później kanonikiem kapituły lwowskiej. Białobrzezki Marcin (ok. 1530-1586) opat, biskup, dyplomata i pisarz religijny. Życie zakonne rozpoczął w klasztorze cystersów w Sulejowie i tam złożył śluby. Później kształcił się w Akademii Krakowskiej, gdzie otrzymał stopnie naukowe. W latach 1566-1567 rozpoczął swą działalność pisarską od katechizmu, napisanego w języku polskim i skierowanego przeciwko arianom. PSB, t. 2, s. 14.

²² Komisja opracowała i wydała drukiem wszystkie rozporządzenia Murawiewa odnośnie duchownych: *Сборник распоряжений, инструкций и циркуляров графа Муравьева в 1863 и 1864 гг., составленный генерал-майором Н. И. Цюловым*, Вильно 1865.

²³ И. А. Никотин, *Столетний период (1772-1872) русского законодательства в воссоединенных от Польши губерниях*, Вильно 1886, wstęp.

²⁴ Odczytany na trzech posiedzeniach Komisji (44, 48 i 59) 28 lipca, 8 sierpnia i 3 października 1866.

²⁵ Goworski przedstawił do rozpatrzenia Komisji jeszcze cztery referaty: O języku w którym są odprawiane nabożeństwa w katolickich kościołach (9 VI 1866); O 40-godzinnym nabożeństwie (7 VII 1866); O bractwach istniejących przy katolickich kościołach w Północno-Zachodnim Kraju (1 IX 1866); Ostra Brama (12 I 1867).

²⁶ РГИА, ф. 821, оп. 125, д. 294, к. 19-84 v.

wosławiem. Większość jego propozycji to zachęty do przyścia do cerkwi – od pozostawienia wystroju wewnątrz – obrazów, chorągwi, chórów, kwiatów, ławek, do życzliwego traktowania katolików przez duchowieństwo prawosławne, członków bractw, zapraszania przez grzeczność sąsiadów do uczestnictwa w nabożeństwach cerkiewnych by powoli przyzwyczajając ich do obrzędów prawosławnych. Następstwem tej życzliwości miały być masowe przejścia na prawosławie i zamykania kościołów pod pretekstem braku wiernych.

Niektóre postulaty Goworskiego brzmią dość dziwnie. Z jednej strony dyktuje listę jak ma schludnie i czysto wyglądać kapłan prawosławny oraz jego dom, a z drugiej udowadnia lepsze wykształcenie tegoż duchowieństwa od katolickiego. Goworski krytykuje teatralność gestów w kazaniach łacinników i równocześnie zaleca nauczanie tej maniery kaznodziejskiej w seminariach prawosławnych. Poza tym, stwierdza, że prawosławni parafianie wychodzą z cerkwi, gdy rozpoczyna się kazanie, co tłumaczy złą akustyką, a jednocześnie, w tym samym akapicie, sugeruje by wydać nakaz głoszenia kazań przez duchownych prawosławnych w każdą niedzielę i święta.

Zgodnie z prawem rosyjskiego imperium tolerancja obcych wyznań była uwarunkowana ich nieszkodliwością dla interesów państwa i panującej religii – prawosławia. W opinii członków Komisji wyznanie katolickie zawsze szkodziło interesom Rosji i prawosławia. Postulowali więc, aby uważać je za szczególnie obce w kulturze i historii rosyjskiej, co miało tłumaczyć brak tolerancji wobec niego. Utrzymując taką ocenę katolicyzmu wszystkie postanowienia Komisji, „nabiorą legalnego charakteru w oczach Europy, tutejszych katolików, samego papieża, i na koniec, w oczach naszych rosyjskich humanistów”²⁷.

---

²⁷ K. Goworski – РГИА, ф. 821, оп. 125, д. 294, к. 82 v.

МЕРЫ К УНИЧТОЖЕНИЮ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСТВА В ЗАПАДНОЙ РОССИИ¹

Нет никакого сомнения, что замена польского языка русским языком в богослужении и проповеди в костелах, с теми ограничениями, какие я имел честь указать Комиссии в прежней моей записке, окончательно убьет полонизм в Западной России и сильно пошатнет сам римско-католицизм, но для окончательного его разрушения нужно испытать и многие другие меры, которые бы содействовали к достижению этой цели. По моему мнению полезны были бы в этом деле нижеследующие:

1. Возвысить значение [к. 19 v.] православного духовенства в народе и предоставить ему более широкий путь деятельности и влияния на массы. В этом деле может помочь местное русское общество, имеющее призвание помогать правительству своими средствами и деятельностью к обрусению Западного Края, и прежде всего должны сему подать пример русские чиновники, поставленные в нем на разных ступенях администрации, то есть:
  - а) должны относиться к священникам по крайней мере в глазах народа, в особенности при римско-католиках, с подобающим их сану уважением: просить благословения, называть их отцами и священниками, не только [в присутствии, но и в их отсутствии, а не попами и попишками, не [к. 20.] разглашать о замеченных каких-нибудь у них пороках и недостатках, а против, оправдывать по возможности чем-нибудь извинять; не кощунствовать над их духовным саном и над предметами православной веры и обрядов, не рисоваться своими нигилистическими идеями, вынесенными из университета или гимназии, наконец должны подавать собою пример народу и благочестия и доброй нравственности: хождением по праздникам в церковь, принятием участия в делах братств, устройстве церковных торжеств и в обращении римско-католиков в православие, а относительно нравственности соблюдением постов, отрешением себя от явного блуда и изгнанием наложниц. [к. 20 v.] Ибо все русские деятели – чиновники от правительства поставлены в здешнем Крае на свещнике „... да не будут притчею во языцех ...” одним словом, чтобы они подражали как в этом отношении, так и в почтительности к духовенству, своим соседям римско-католикам, всегда относящимся к своим ксендзам и костелу с особенным благоговением. Пример чиновников благотно повлиял бы не только на православное, но и на римско-католическое народонаселение. И разумеется, с приобретением уважения духовенство приобрело бы и нужное его влияние на массы, но это влияние сделалось бы совершенно полным, если бы священник допущен был, в виде советника, [к. 21.] к участию в волостных сходках, делах земства и в решении домашних и семейных споров и в примирении спорящих, а также не лишать

¹ Napis nad tytułem tekstu: *Доклад в Комиссию по делам римско-католического духовенства К. Говорского. 28 июля 1866 г.* РГИА, ф. 821, оп. 125, д. 294, к. 19-84 v.

его права ходатайствовать за обиженных, наконец, сделать духовенство независимым в деле обращения римско-католиков в православие, позволить, то есть во всякое время ходить и ездить по деревням для увещаний и проповеди,

б) пригласить местных епархиальных архиереев, чтобы они оставили свое прежнее деспотическое и надменное обращение с подвластным им духовенством, что весьма роняет его в глазах народа, а подражали бы они в этом отношении латинским бискупам, которые, с одной стороны, строго преследуют пороки в [к. 21 v.] ксендзах, но с другой, по крайней мере в глазах мирян, относятся к ним как к равной братии во Христе: с отцовской любовью и уважением к их сану – что резко дают почувствовать, когда в своем присутствии приглашают садиться даже клириков, не имеющих никакого священства. Земные поклоны в римско-католичестве немислимы. Вот главная причина необыкновенного благоговения римско-католиков к их ксендзам, хотя бы даже самым безнравственным! – мы благоговеем пред священным саном ксендза, а не пред его личностью, обыкновенно говорят они. Так следовало бы и у нас относиться к нашим священникам. Идопоклонство со стороны православных священников и деспотическое обращение с ним, как с холопами, наших архиереев составляет главную причину отвращения [к. 22.] от православия ксендзов и боязни переходить в оное. В этом сознавались мне сами ксендзы не однажды. Неоднажды случалось мне слышать упреки и указание на деспотизм наших архиереев и со стороны мирян – римско-католиков;

в) внушить священникам, чтобы по приходу не ходили в одних подрясниках, а приличных и опрятных рясах, а в церковь и к лицам высшего сословия – не крестьянского, являлись бы кроме того в приличных, не смазных сапогах; чтобы дома свои и дворы держали чисто и опрятно, и не уподоблялись бы, в этом отношении, что в Белоруссии можно встретить сплошь и рядом, – жидам; чтобы комнаты для приема посетителей кроме содержания их в опрятности снабжены [к. 22 v.] были не богатой, но чистой и приличной мебелью – по крайней мере из 12 стульев, дивана и стола перед диваном – на этот предмет потребуются весьма незначительные издержки; чтобы ни в каком случае сами не занимались полевыми работами, как это нередко случается видеть священника с повязанной грязной тряпкой головой, полуодетого, часто босого, работающего с косой или граблей в руках: это неприличное его сану занятие в высшей степени убивает в народе уважение к нему; тогда как при теперешнем обеспечении духовенства и жалованьем, и дровами, и помещением, и обработкой со стороны прихожан 10 десятин, никакой нет надобности самому быть чернорабочим. Ксендз, напр., самого бедного прихода, [к. 23.] теми руками, как твердят обыкновенно католики, которыми совершает таинство Евхаристии, ни к чему по своему хозяйству не прикоснется; не следует также с серпом выходить в поле и священнице; прилично и опрятно одевать жену и всех членов семейства - если чиновник в городе, часто не имеющий материальных средств и на половину столько, сколько самый бед-

ный священник на приходе в деревне, может нанять и приличную квартиру, снабдить ее хорошей мебелью, сам и свое семейство одеть не только чисто, но часто даже довольно роскошно, то о священнике и говорить нечего, что, живя в деревне на своем хозяйстве, в готовой квартире и при готовых жизненных припасах, [к. 23 v.] всегда бывает в состоянии содержать как дом свой, так и себя с семейством прилично. Прибавим еще к этому, что ему нет надобности тратиться и на воспитание детей, ибо большей частью сыновья и дочери принимаются в училища на казенное содержание; строжайше запретить священникам шныряться по местечковым ярмаркам для продажи и купли разных предметов; не выезжать, наконец, в простых мужицких тележках, а для своего собственного выезда должно иметь недорогой, но приличный экипажец и одну или пару лошадей с хорошей сбруей – эта статья то же не вовлечет в большие издержки, а содержание лошадей в деревне ничего не стоит.

- 2) Закрывать костелы, при которых нет узаконенного [к. 24.] числа прихожан.
- 3) Закрывать костелы на пограничии Царства Польского, куда в праздничные дни стекаются целыми толпами поляки из заграницы и страшно фанатизируют местных жителей в политическом и религиозном отношении.
- 4) Все ксендзы нигилисты, и они фанатики католицизма только из материальных видов и из-за честолюбия, их легко можна склонить к переходу с целыми их парафиями в православие, лишь бы только представить им перспективу улучшения их благосостояния. В этом отношении на них более всего могут повлиять военные начальники обещанием не только оставления за ними всех тех материальных выгод и [к. 24 v.] почестей, какими они пользуются в настоящее время, но еще значительным их увлечением и наградой орденом (на что они очень лакомы), в случае если они примут православие и пожелают остаться священниками в той же самой парафии. Применение этой меры можно начать с высшего виленского капитульного духовенства и я уверен, что на эту, так сказать, удочку легко попадет большинство из них. Стоит только с некоторым тактом и ловкостью взяться за это дело, и мне кажется, следует начать со случайных будто бы знакомств с некоторыми из них членов Комиссии.
- 5) В обращенных в православие костелах, с их прихожанами, не следует вдруг ломать все признаки католичества, [к. 25.] а уничтожение и предметов, и обычаев, не составляющих существенной разности с православием, предоставить времени. Так, например, вводя новые православные иконы и хоругви, не нужно выносить из костела прежних образов и знамен; не нужно разрушать кафедр, из которых народ привык слушать проповедь; не нужно звон католический переменять вдруг на трезвон православный. Можно также старикам и вообще взрослым дозволить и молиться по-польски дома, но отнюдь не в церкви, ибо конечно, принявшие однажды православие уже не возвратятся в католицизм, но всякий ригоризм в отношении прежних привычек, в особенности религиозных, может отбить охоту последовать их примеру в других, не принявших [к. 25 v.] оно-го. Что и доказал не однажды опыт. Остатки католичества в костеле нуж-

но истреблять исподволь, так сказать, незаметно для народа и с известным тактом, чтобы не смущать души и совести новообращенных и не отталкивать от православия необращенных. Следует также оставлять и боковые скамьи для стариков и недужных, что дозволяется и православной церковью.

- 6) Немедленно закрыть при костелах все братства, организация которых составляет твердую опору католицизма и даже самого полонизма в Западной России. Братчики и сестры, произносящие пред алтарем обеты неизменной верности папе и костелу, суть лучшие агенты пропаганды и деятельнейшие шпионы ксендзов. Нафанатизированные ксендзом, они в [к. 26.] свою очередь фанатизируют народ. Они подмечают дух и образ мыслей каждого в своей деревне или местечке, и если заметят в ком-либо охлаждение к вере или расположенность к православию, то все усилия употребляют [чтобы] отклонить от намерения и своими внушениями стараются поддержать латинский фанатизм в ослабевающих и в то же время о таком явлении и о лицах доносят ксендзу. Были примеры, что они после тщетных убеждений и стращаний муками ада [чтобы] отклонить от принятия православия отдавали таковому последние свои деньги. Братчики и сестры собирают с народа деньги и приношения в пользу костела и ксендза, а во [к. 26 v.] время мятежа они были главными сборщиками офяр, подстрекателями к восстанию и наборщиками охотников в шайки; но кроме ксендза фанатизируют их и руководят так называемые патроны и патронки братств (по просту ойцы и матки), избираемые приходом обыкновенно из почетнейших и богатейших панов и паней, о зловредном влиянии которых на братство, а затем и на народ, и говорить нечего.
- 7) С уничтожением братств полиция должна строго наблюдать за действиями бывших братчиков, а во время, или лучше сказать, при начале обращения известной деревни, удалять из нее на время более влиятельных братчиков и сестер, в особенности тех, [к. 27.] которые исправляли какие-либо должности по братству.
- 8) Чтобы еще более расположить ксендзов к принятию православия, нужно сделать их звание менее привлекательным, для чего следует сокращать источники их костельных доходов и таким образом материальные средства к их содержанию сколько-нибудь уравновесить со средствами православного священника, именно: 1) установить тарифы взимания денег с крестьян за исполнение треб; а за совершение таинств, по примеру православных, запретить всякое вознаграждение; 2) в костелы от всех прихожан почти ежедневно обильно сыплются разные офяры, состоящие из денег, холста, птиц, баранов, льна, [к. 27 v.] воску, волны, масла, яиц, меду, зернового хлеба и прочих, ксендзы за весьма малым исключением, все это обращают на свое брюхо, хотя прихожане и думают, что они жертвуют на нужды костела, поэтому следует подвергнуть эти доходы контролю, учредив при каждом костеле двух-трех старост из прихожан (всего лучше, не из панов, как оказавшихся неблагонадежными во время мятежа), а из крестьян, назвав их, например, синдиками, и снабдить их сооб-

разной инструкцией. В Царстве Польском уже введен подобный контроль костельных доходов, а равно и установлен сказанный выше тариф, можно применить эту реформу и к костелам Западной России.

- 9) [к. 28.] Большое уважение к ксендзам народ оказывает преимущественно потому, что они имеют большие материальные средства вести жизнь роскошную: живут в хорошо меблированных домах, держат менее или более многочисленную службу, по крайней мере хорошо одетую и обутую прислугу, сами хорошо одеваются и имеют разные экипажи и много хороших лошадей для выезда. Источником этих средств служит вышесказанный бесконтрольный костельный доход; такое их взимание платы от прихожан за совершение треб, наконец, кроме всего этого и жалованье столь большое, что ксендз прихода самого низшего разряда получает [к. 28 v.] его вдвое больше против православного священника первоклассного прихода, а высшего разряда чуть ли не в десятеро больше, поэтому необходимо нужно, независимо от сокращения первого источника доходов, сократить и жалованье ксендзов до цифры жалованья, получаемого православным, господствующей религии духовенством.
- 10) С той же целью строго запретить им, как людям неженатым и между тем, по званию своему, обязанным подавать народу пример целомудрия, держать в доме молодую женскую прислугу, а дозволить только преимущественно мужскую и старых женщин, разумеется не дозволить им также иметь при себе молодых родственниц, [к. 29.] за исключением матери и родной сестры. Вообще женщинам, хотя бы и близким родственницам, за исключением двух последних степеней родства, запретить ночлеги и плетания, в случае приезда их к ксендзу в гости. Содержание ксендзами наложниц не составляет у них тайны и нисколько не стесняет их совести, потому что на это сквозь пальцы посмотрели их паны и их соборы, дозволив в виде снисхождения к слабости человеческой, содержать сожительниц. Эта свобода иметь несколько наложниц вместо одной законной жены, сильно привязывает некоторых ксендзов к католичеству, но если запретить этот *abusus* римской церкви, то посулами разных выгод легко будет их склонить к принятию православия.
- 11) [к. 29 v.] Там где находится вместе костел и церковь, то в высокаторжественные дни в костелах должно совершаться богослужение и *Te Deum* утром – до 10 часов, не позже, а потом ксендз обязан присутствовать в церкви на литургии и молебне – чрез это он сам познакомится с величием богослужения православной церкви и по его примеру не станут чуждаться ее и его прихожане, по крайней мере, если он сам станет бывать в церкви, то уже посовеститься на исповеди страшать пеклом других, бывавших в церкви. Полезно также было бы, что бы полицейские власти обязывали к присутствованию на богослужении в эти дни в городах всех почетных мещан и граждан римско-католического вероисповедания, а в селах домохозяев.
- 12) [к. 30.] В те же дни заставлять присутствовать на богослужении в церквях всех воспитанников богослужебных заведений, не исключая и сель-

ских школ, без различия вероисповеданий – чрез это иноверцы попривыкнут к православию и не станут верить разным вымыслам, клеветам и порицаниям православного богослужения, какие они ежедневно слышат от ксендзов и своих матерей фанатичек.

- 13) В волостные старшины, писаря и другие сельские власти назначать крестьян православных, а еще лучше из новообращенных, которые всегда бывают одушевлены большей ревностью к увеличению числа подражателей, чем древле православные; да притом же такое предпочтение и внимание к ним начальства будет [к. 30 v.] служить поощрением и для многих других следовать их примеру. Но там где римско-католическое население сплошное и где значит нет православных крестьян, то на должности старшин следует вызывать крестьян православных или новообращенных из ближайших волостей, но всего лучше и полезнее было бы, если бы теперь по поводу производившегося надела земель крестьянам государственных имуществ, православных и новообращенных крестьян переселять на усадьбы в те римско-католические деревни, где нет православных, такое смешение православных с католиками могло бы весьма облегчить обращение сих последних в православие и вместе с тем дало бы возможность назначать православных старшин.
- 14) Наличным старшинам [к. 31.] и другим сельским властям из римско-католиков объявить, что бы они избрали одно из двух, или принять православие и оставаться при своих должностях, или идти в отставку – редкий из них предпочтет последнее первому.
- 15) Вообще следует, так сказать, ошутительным образом, во всяком месте и случае сказывать предпочтение православным пред римско-католиками вообще, а новообращенным в особенности – и гласно объявлять сих последних состоящими под особенным покровительством и защитой начальства. Эту многополезную в деле обращения римско-католиков в православие меру необходимо нужно распространить и на помещиков, и на чиновников, и на все [к. 31 v.] сословия, принимающие православие.
- 16) Поэтому строго запрещается мировым посредникам, полицейским и разным другим властям, чтобы они не дерзали новообращенных католиков называть изменниками веры, православными в юмористическом смысле, в особенности в присутствии поляков, а тем более не смели бы подвергать их открытому гонению, чему много было примеров (в особенности со стороны мировых чиновников), между прочим и недавно в Свенцяном и Слонимском уездах. Таковая бестактность неблагоприятная русским властей страшно вредит нашему делу обрусения Края и этих господ по всей [к. 32.] справедливости следует считать союзниками поляков и врагами отечества. Пишущему эти строки известно, что она была причиной приостановления проявившегося, в конце прошлого и начале настоящего года, общего движения здешних помещиков в пользу православия.

- 17) Причиной также приостановления этого движения было двусмысленное выражение в Высочайшем указе 10 декабря о землевладении „польского происхождения”, выражение, которое враги обрусения Края превратно истолковали, будто бы и приняв православие католик помещик польского происхождения не имеет права пользоваться теми льготами, которые Высочайше дарованы русским землевладельцам в этом Крае. Дело это впрочем можно [к. 32 v.] поправить, если бы, посредством „Виленского Вестника” и „Губернских Ведомостей”, объявить всенародно, что землевладельцы римско-католики, принявшие православие со своими семействами, перестают уже считаться поляками, а делаются настоящими русскими, и имеют следовательно право пользоваться дарованными русским землевладельцам льготами. Оно и действительно так, потому что принявший православие уроженец Западной России возвращается опять к природной своей русской надобности его предков.
- 18) До воссоединения униатов в 1839 году Римско-католическая Церковь не праздновала день памяти Йосафата Кунцевича, празднование его обязательно было только для одних униатов, поэтому праздника этого не было ни [к. 33.] в святцах, ни в латинских рубрицеллях; не было также в римско-католических костелах образов Йосафата, ни алтарей, но с 1839 года, в виде демонстрации русскому правительству и православию, праздник Йосафата самовольно, без разрешения правительства, внесен в святцы и празднуется с особенной торжественностью; вместе с тем появились в костелах не только образа, но и алтари в честь Йосафата, на которых совершается месса и присутствующие на ней получают обильные отпусы (т.е. индульгенции). Все это не так фанатизирует самих римско-католиков, возбуждая в них еще большую ненависть к православным, якобы невинно замучившим униатского архипастыря, но [к. 33 v.] соблазняет и воссоединенных, которые в былое время в перехваченный ксендзами от бывших униатов праздник Йосафата, понуждаемые при том же панами, толпами отправлялись в костелы и возвращались домой, вздыхая, конечно, о прежней униии. Следует поэтому этот праздник, как вредный господствующей религии, как демонстрацию против православия и как, наконец, учрежденный без разрешения правительства, сейчас уничтожить, разумеется, вместе с алтарями в костелах; а образа, чтобы они не перешли из костела в дома для секретного чествования, конфисковать и предать сожжению.
- 19) Обратить строгое внимание на воспитание ксендзов в их семинариях, которых число нужно сократить до цифры 2 в Вильне [к. 34.] и Житомире.
- а) Начальников и наставников назначить из ксендзов, известных правительству по благонамеренности и не компрометированных каким-нибудь, хотя бы ничтожным, участием в мятеже.
- б) Преподавать предметы наук по тем учебникам, какие были приняты в руководство в бывшей житомирской униатской семинарии, т.е. по тем же самым, какие были в употреблении в бывшей виленской главной

римско-католической семинарии. Вместо же полемического богословия, страшно фанатизирующего воспитанников и ожесточающего их сердца против иноверцев, в особенности против православных, что они, сделавшись ксендзами, передают и своим прихожанам, ввести преподавание, [к. 34 v.] по примеру православных семинарий, сравнительное богослужение, указывающее учащимся только на те различия разных христианских вероисповеданий, которыми они отличаются от православия и преподающее способ опровержения оных, без всякой желчи, *sine ira et studio*. Преподавание пастырского богословия в семинариях Западной России и С.Петербургской Академии основано на иезуитском учении, что цель оправдывает все средства, поэтому воспитанникам этих заведений, будущим пастырям римско-католического стада, с кафедры этой науки внушаются всевозможные ухищрения и макиавельские способы для удержания римско-католиков в латинстве и для соращения в оное как древле, так в особенности новоправославных жителей Западной России. Преподавание церковного красноречия [к. 35.] то же преимущественно направлено к изощрению в проповедании превосходства католицизма пред православием и к разным способам, посредством слова, к соращению православных с пути истины. Поэтому необходимо нужно запретить ту и другую науку преподавать в искаженном виде и по прежним учебникам, а ввести в употребление пастырское богословие папы римского св. Григория Двоеслова *Doctrina pastoralis*² – и церковное красноречие Амфитеатрова³, так как предположено ввести в костелах русскую проповедь.

в) С запрещением преподавать науки на польском языке, нужно преобразовать и семинарские библиотеки, исключить из числа находящихся в них книг всех светских польских писателей, [к. 35 v.] прозаиков и поэтов, а из духовных оставить только те, которые не заключают в себе ни тени польского патриотизма – и это дело поручить тем лицам, которые не наглядно только знают польскую духовную литературу, а в ней были воспитаны и изучали ее радикально. Вместе с тем следует снабдить библиотеки всеми лучшими, по выбору тех же лиц, русскими книгами, в том числе некоторыми сочинениями духовного содержания и некоторыми духовными журналами за прошлые и текущий год. Латинские книги, во избежание нареканий, нужно оставить все, без изъятия – при общем упадке между духовенством римско-католическим здешнего края знания этого языка, они останутся в библиотеках никем не тронуты, сле-

² Grzegorz I Wielki (540-604) papież. Na wschodzie czczony jako Grzegorz Dialogos. Chyba Goworskiemu chodziło o *Regulae pastoralis liber ad Joannem episcopum civitatis Ravennae*. Jest to dzieło traktujące o kapłaństwie, formacji osobistej kapłanów i o powinnościach wiernych. Wiele synodów kościelnych nakazywało je biskupom i kapłanom jako lekturę obowiązującą. Dzieło to było przetłumaczone na język polski pt. *Księga Reguły Pasterskiej*.

³ И. К. Амфитеатров, *Беседы по отношению церкви к христианам с прибавлением других проповедей*, изд. 4, Киев 1865.

довательно и безвредными, хотя бы и заключали [к. 36.] в себе что-нибудь противное нашему православному учению.

г) Для церковной истории принять в руководство изданную в начале настоящего столетия профессором венского университета, доктором богословия, *iuris untriusque*, каноником Довномайером⁴ – самую беспристрастнейшую из всех церковных историй, когда-либо изданных римско-католиками. Она долгое время была принята в руководство в богословских факультетах лютеранских университетов. Она была издана сперва на немецком языке, под заглавие *Kirchen-Univesalgeschichte*, вслед затем переведена на язык латинский и подверглась было запрещению пап, которые вместе ее приказали составить *Compedium Institutionis Historiae* [к. 36 v.] *Ecclesiasticae per Donnemagero* – с искажением, разумеется, фактов, но для обмана оставлено было имя автора, заявившего впрочем протест публично против такого навязания не принадлежащего его перу издания.

д) Учредить кафедру истории Западной России, вменив преподавателям ее, чтобы знакомили воспитанников с источниками: летописями, изданными актами и документами, относящимися к Западной России и с разными этого рода сборниками, с которыми до сих пор не только не знакомили их, но тщательно скрывали от них их существование.

ж) С историей Российского государства преподавать и историю Российской Церкви, о которой латинское духовенство не имеет никакого понятия, [к. 37.] а если и имеет, то самое превратное.

е) Наставники русской словесности, всеобщей и русской истории должны быть православные.

к) За казеннокоштными воспитанниками должны иметь бдительный надзор комнатные надзиратели православные – обязанные между прочим, наблюдать, чтобы воспитанники не разговаривали между собой польски, не отзывались дурно о православии, о России и проч.

л) Независимо от инспектора ксендза, назначить другого инспектора классов, из православных, обязанного строго наблюдать за направлением и духом преподавания наук в классах, так равно за исполнением тех семинарских правил, которые правительство установит для ограждения [к. 37 v.] воспитанников от развития между ними польского патриотизма и фанатической ненависти к православию. Инспектор классов должен быть и членом семинарского правления.

м) В высокочестивые дни как начальники и наставники семинарии, так и воспитанники должны присутствовать на богослужении в местном православном соборе, дабы, знакомясь чрез это с величием обрядов Восточной Церкви, перестали бы и сами иметь о них превратное понятие, и другим, по невежеству, не делали бы подобных внушений – как это делали ксендзы по настоящее время. При том же, чрез

---

⁴ M. Dannenmayer, *Institutiones historiae Ecclesiasticae Novi Testamenti*, t. 1, Wien 1783; t. 2, Wien 1788.

бывание в церкви, познакомившись с величием славянской литургии и обрядов, они легко могли бы полюбить свое родное и возыметь в своем сердце [к. 38.] охлаждение к чуждому славянину латинству. Не мешало бы также, чтобы после богослужения в те дни, они являлись за благословением к православным архиереям. Ласковое обхождение с ними православного архипастыря еще более могло равнолагать их к праволавиию.

- 20) В римско-католических духовных консисториях секретарь должен быть православный, как чиновник, пользующийся правами государственной службы; и сверх того назначить прокурора, который бы следил за строгим исполнением законов и скреплял бы своей подписью все исходящие бумаги. Он должен присутствовать в заседаниях и его скрепе должны подлежать все исходящие бумаги из канцелярии епископа, а так как консистории подчиняются и семинарии и благочинные (декань) и настоятели монастырей, то он имеет право надзора за первыми и непосредственных сношений с [к. 38 v.] последними. Нужно также предоставить ему право и ревизий благочиннических дел и разных метрических выписей по приходских костелах. Прокуроров этих можно назвать референдариями – слово означающее чиновника, посредствующего между духовными и светскими властями. Референдарии в таком смысле были и в древности в Восточной и Западной Церкви.
- 21) Закрывать все кляшторы, где нет узаконенного числа монахов.
- 22) Уничтожить при кляшторах новициаты, т.е. училища послушников, в которых фанатизируют невинных детей, внушая им ненависть к России и православию и воспитывают будущих пропагандистов. В монахи могут поступать воспитывавшиеся в семинариях.
- 23) Нужно употребить все меры для пробуждения сознания русского происхождения и отвращения к папизму и в образованных [к. 39.] сословиях римско-католического народонаселения – разумеются здесь пань и чиновники, называющие себя поляками, для достижения чего следует:
- а) распространить по Краю сборники актов и документов, доказывающих русское происхождение и православие предков нынешних панов и полякующих чиновников, а также насильственное обращение этих их предков в латинство и унию.
- [к. 40.]⁵ б) сочинения, доказывающие, что здешний край был и есть край русский, доведенный до разорения и бедственного состояния неурядицами и бестолковым управлением польского правительства.
- в) местные литературные органы, газета „Виленский Вестник” и журнал „Вестник Западной России”.
- г) а чтобы воспитать в этом сознании новое поколение здешних дворян римско-католиков, то нужно в прогимназиях и гимназиях учредить такую же специальную кафедру истории Западного Края России, как и в семинариях.

⁵ Od karty 40 inny charakter pisma.

24) В каждой местности, где есть приходский костел, есть и разные местные причины, препятствующие успешному [к. 40 v.] обращению римско-католического населения, но в то же время есть и благоприятствующие к сему обстоятельства, то чтобы устранить первые и воспользоваться последними, нужно администрации знать те и другие, поэтому следует командировать двух-трех чиновников из здешних уроженцев, хорошо знакомых и с ксендзовством, и с языком, и с обычаями страны, и наконец с характером и духом здешнего народа и в то же время таких, к которым и православное духовенство могло бы питать полное доверие. Они объездили бы все римско-католические приходы и, дознав на месте и причины препятствующие, и обстоятельства благоприятствующие, могли бы, отчетом о [к. 41.] своей поездке, доставить администрации лучшее руководство для содействия со своей стороны к успешному обращению. По общему уверению всего православного духовенства, главной причиной препятствий к обращению римско-католиков в православие служит бестактность большинства влияющих, по своей должности, на народ, русских чиновников, взирающих на это дело то апатически, то с гуманной, то с космополитической, то, наконец, с нигилистической точки зрения; командированные лица для открытия сказанных причин весьма легко вскрыли бы и таких зловредных чиновников, которых администрация подвергла бы или [к. 41 v.] увещанию, или удалению от должности. При том же о поведении и образе мыслей чиновников, имеющих задачу обрусения Края, администрации нужно иметь верные сведения и по разным другим причинам.

А верные сведения в этом отношении, можно собрать только на месте деятельности этих чиновников, а не чрез губернаторов и ближайших начальников, которые обыкновенно любят защищать своих подчиненных и считать их благонадежными потому только, что нет на них жалоб и что они аккуратно исполняют прямые свои обязанности. При том же многие из [к. 42.] этих начальников не хотят знать, что русские чиновники в здешнем Крае, вызванные из глубины России в помощь администрации для обрусения его, имеют более священные обязанности по роду официальной их службы. Оттого то многие начальники такого образа мыслей о долге их службы, так равно и их подчиненные, часто бывают столько же полезными в деле обрусения Края, сколько полезны были бы в этом отношении чиновники польского происхождения. Последний знаменитый манифест Государя Императора, вменяющий в [к. 42 v.] обязанность начальникам всех ведомств сделать строгий разбор подчиненных чиновников, относительно их образа мыслей, может быть успешно применен к практике только чрез дознание о них на месте их служения – добрая или худая молва о человеке местных жителей есть вернейшая аттестация его поведения. Стоит только администрации поручить это дознание лицам испытанной правды, честности и благонамеренности. В этом деле много этим лицам помогут и местные священники. В особенности нужно обратить строгое внимание на чиновников,

воспитывавшихся в университетах, [к. 43.] преимущественно же в Казанском, с 1859 по 1864 год, – мне достоверно известно, что почти все студенты сего последнего университета, окончившие курс в этом периоде времени, заражены утопиями „Молодой России”, Герцена и „Земли и Воли”.

- 25) Часто случается, что принявших православие римско-католиков, оставшиеся в нем соседи или родственники преследуют укоризнами, насмешками и наругательствами и чрез это смущают первых и поселяют опасение в случае принятия православия подвергнуться подобному преследованию в других; поэтому таких наругателей нужно подвергать денежному штрафу [к. 43 v.] за оскорбление и лица, и православной веры, им принятой. Следует подвергать денежному штрафу и ксендзов и других лиц разных сословий, если доказано будет, что они отклоняли кого-нибудь от принятия православия, или увещаниями, или угрозами, или прельщениями.
- 26) Мнение многих, несведущих людей, будто бы орган в римско-католических костелах имеет такое обаяние, что приковывает, так сказать, цепью к латинству простой народ. Это не справедливо. Орган, как и всякий музыкальный инструмент, может иметь некоторого рода обаяние только на людей в первый раз [к. 44.] или изредка слышавших игру на нем, но ежедневное употребление его в костелах производит в народ – знаю по опыту, – апатию к нему, нередко обращающуюся в отвращение, в особенности в сельских и местечковых костелах, где вместо органа имеются большей частью так называемые позитивки и где нет искусных органистов, а вместо их, почти всегда бесталантливые самоучки, оглушающие присутствующих в костеле нестройными звуками каких-нибудь танцевальных пьесок – полек, вальсов, а иногда случалось мне слышать и мотивы русских песен: „В саду ли ...”, „Возле речки ...”, „По улице мостовой ...” Кроме того, пошлая [к. 44 v.] эта игра на органе всегда сопровождается странными по временам во время служения, шипением, гудением и присвистом органичных труб и мехов, да еще в добавок к тому оглушительным боем в барабаны. Все это до такой степени отвратительно и нисколько уже не обаятельно даже для простого народа, что сделалось между ним предметом самой сильной укоризны со стороны православных. Мне самому случалось слышать неоднократно эти укоризны, всегда оставляемые римско-католиками без возражения, но сильно их смущавшие, тогда как на другие укоризны что-нибудь да находили отвечать. Ксендзы хорошо [к. 45.] поняли бесполезность игры на плохом органе, плохим органистом, поэтому в храмовые праздники выписывают обыкновенно из города хорошего органиста, а иногда вместо его берется играть какой-нибудь виртуоз фортепианист из помещиков, но всегда в таком случае игра сопровождается пением, для чего также приглашается какая-нибудь панна или пани-певунья. И эта новинка в каком-нибудь захолустье, конечно, не останется без некоторого впечатления в народе, но за то тогда костел перестает быть домом молитвы, а превра-

щается в место театрального зрелища, ибо взоры присутствующих, вместо алтаря [к. 45 v.] (престола), где приносится бескровная жертва, обращены на хоры, где происходит сценическое действие. Оркестры же музыки (весьма плохие) в Северо-Западном Крае есть только при кафедрах епископов, постоянная игра которых на богослужении также надоела публике, по крайней мере не производит она ровно никакого эффекта на постоянно бывающих в костеле слушателей. Следовательно, органы и музыку можно оставить в костелах неприкосновенными. Безыскусственная игра на них никогда не может идти в параллель с искусственным даже пением дьячка в церквях. Там пролетают бесследно мимо [к. 46.] ушей мертвые, часто безобразные звуки вещественного инструмента, но здесь живые звуки, родного русского слова говорят и трогают и душу и сердце слушателей, впечатлением в нем выражения божественных истин. Но если озаботиться, чтобы в каждой церкви устроились хоры певчих, к чему способствуют сельские школы, то орган римско-католических костелов потеряет окончательно прежнее свое значение, если только он когда-либо имел это значение.

Органы, впрочем, можно заставить и умолкнуть, что едва ли будет для нас полезно, путем легальным, вменив в обязанность римско-католическому духовенству, [к. 46 v.] чтобы для предотвращения профанации христианских храмов чрез разыгрывание на органах органистами-самоучками разных плясовых пьес и народных песен, определяли в костелы органистов, выдержавших экзамен в этом искусстве в каком-нибудь привилегированном музыкальном обществе, имеющем право давать дипломы артистам. Эта мера доведет до того, что костелы и средств не будут иметь платить хорошее жалованье такому органисту, да и нигде его не отыщут, и таким образом костелы ограничатся шептанным богослужением, или изредка будут оглушаться хрипчивым пением латинской мессы.

[к. 47.] 27) В прежнее время ксендзы в своих народных поучениях доказывали невежественному белорусскому народу, что случалось мне слышать самому, – превосходство латинства пред православием тем, что у католиков есть мощи святых, как напр. Боболия в Полоцке, Фабиана в Столпцах и пр., а у схизматиков вовсе нет их, да и быть не может ..., мужички, не бывавшие нигде дальше своей деревни и ближайшего города и едва ли слышавшие о существовании не только Св. Мощей в Киеве, но и о самом этом городе, от души верили этой лжи ксендзов, смотрели на латинство как на веру лепшую, чем православие, отпадали от него или, если не открыто, так [к. 47 v.] тайно исповедывались у ксендзов; следовательно, для убеждения народа в противоположном нужно труп Боболия перевести в один из монастырей Царства Польского, а в Полоцк, в Спасо-Ефросиньевскую обитель торжественно перенести из Киевских пещер мощи преподобной Ефросинии Полоцкой как в ее собственный дом. Этого желают местные жители, этого требует дело обрушения страны и об этом я не однажды представлял правительству мои

соображения. Боболия, по моему мнению, следует подарить Ченстоховским кармелитам, где его присутствие среди признающих его за святого римско-католиков не может быть вредным для православия, [к. 48.] а между тем удаление его из русского города в католическую Польшу, в один из знаменитейших там кляшторов, не будет поводом у нареканию со стороны папистов на притеснение их веры. В замен же этой римско-католической святыни отнять у кармелитов чудотворную икону Божией Матери, заграбленную Казимиром Великим у православных галичан, при взятии им (около 1340 г.) замка Белза, и подарить ее Львовской Ставропогиальной лавре, как прежнее ее достояние, со времен князя Льва Романовича, которому подарил эту икону около 1270 г. Император Греческий Маннуил в награду, по просьбе самого же князя, за участие его [к. 48 v.] в крестовом походе. Этим неожиданным подарком можно было бы еще более расположить галицких руссинов-униатов и к православию, и к России. Да при том же это возвращение иконы униатам, но все-таки считающимся папистами, не может послужить поводом к нареканию на наше правительство, что оно в пользу своего православия искищает от католиков их святыню.

- 28) Во время порабощения Западной России поляками, при насильственном обращении православных церквей на унию и в латинские костелы, многие русские чудотворные иконы перешли в руки ксендзов. О русском происхождении почти всех таковых икон имеются в архивах православных [к. 49.] церквей документальные доказательства, или происхождение это их опирается на местном народном предании и на русско-греческом стиле иконописи известной чудотворной иконы. Обо всех таких иконах следует собрать сведения и как древнее достояние православия возвратить их в православные церкви. Известно всем, что к этой категории принадлежит и икона виленской Остробрамской Богоматери – говорят, что даже на доске ее под серебряной шатой есть и славянская надпись „честнейшую херувим ... и. пр.“, доказывающая несомненность русского ее происхождения. Кроме того эта русская икона, доставшись в руки римских-католических ксендзов, сделалась орудием [к. 49 v.] ополячивания и утверждения в латинском фанатизме обитателей Литвы, а в начале последнего мятежа она возымела политическое значение, так что Острая Брама сделалась было и главным местом сборищ для пения мятежных гимнов и таких же совещаний, и источником денежных сборов на польскую справу, и местом молитвы о гибели России и восстановлении Польши, наконец и сама икона объявлена была символом этого восстановления, когда верный список ее был в Варшаве коронован короной польской и остробрамская Божья Матерь провозглашена была, с согласия папы, польской Королевой и Великой Княгиней Литовской. Она и теперь не потеряла [к. 50.] своего политического значения и Острая Брама по-прежнему фанатизирует здешний народ, по-прежнему электризует его польским фанатизмом, по-прежнему, наконец, воспламеняет римско-католиков ненавистью к православию и к России. Инте-

ресы страны, следовательно, и польза православия требуют немедленного уничтожения этого орудия латино-польской пропаганды, незаконно приютившегося в русском Вильне в польском костеле, и если русская эта икона будет возвращена к прежнему своему достоянию – православию, а Острые Ворота, как памятник преобладания здесь латинства, будут разрушены, то и легальность вполне будет на стороне правительства.

[к. 50 v.] 29) В каждом костеле кроме обычных повсюдных праздников есть еще много праздников храмов, чудотворных икон, местных св. Патронов и тех святых, во имя которых устроены боковые алтари, т.е. приделы – по-нашему. Праздники эти, в отличие от праздников обыкновенных, называются фестами, от латинского слова *festum*, и большей частью отпущами, от сообщения индульгенции, или отпущения грехов притекающим на этот праздник в костел верным. На площади перед костелом в эти праздники всегда бывают ярмарки (кермаши), служащие приманкой для стечения люда и православного народа окрестных деревень и столпления шляхты [к. 51.] и панов, которые после богослужения сходятся обыкновенно к ксендзу и там во время и до мятежа делали разные мятежнические совещания, а ксендзы кроме того обменивались своими соображениями об успешном совращении в латинство православных и о способах ослабления в них приверженности к православию, в числе которых способов всегда было на первом плане тайное, часто посредством самих же православных властей, притеснение попа, уменьшение его источников средств к семейной жизни и подорвание уважения к нему и доверия в народе. Стекающийся таким образом православный народ на ярмарки заглядывал [к. 51 v.] обыкновенно и в костел, откуда многие возвращались в свои дома с прежней приверженностью к своей вере, и иногда соблазняло самое отпущение грехов, не только за прошлое, но за будущее время, и они делались тайными папистами, исповедуясь и причащаясь секретно у ксендзов. Преимущественно же их прельщала в костеле проповедь на польском языке, который они считают благороднее и выше языка русского, потому что они привыкли слышать разговаривающих на этом языке своих панов и ксендзов, – на русском же чуть ли не только одних своих священников, и то [к. 52.] только в церкви, а не в доме. Частое это скопление народа у костелов на ярмарки портит его нравственность, ибо все почти время своего пребывания на ярмарке они проводят в корчмах на пьянстве, буйстве и сквернословии, а отпущение грехов, получаемое в костеле в запас, добывает окончательно дурную в нем нравственность, делая его смелым в поползновении к разным порокам, прощение которых костел уже сообщил заблаговременно. То и другое имели в виду даже папы, когда буллами запретили увеличивать, без их разрешения, число праздников в костелах, сверх положенный рубрицеллей, и сообщение народу отпущов, т.е. индульгенций. На подобную буллу, [к. 52 v.] изданную папой Пием VI в 23 день мая 1775 года, указывает между прочим „Kalendarz polityczny dla

Królestwa Polskiego i W. X. Litewskiego 1778 r.”, изданный в Варшаве. Следовательно, на основании этой буллы и по причинам выше изложенным, все эти праздники и отпусы запретить, дозволить только один главный храмовой праздник; а ярмарки из площадей пред костелами, придающие сим последним некоторым образом, как бы характер храмов господствующей религии в Западной России, перевести на площади пред православными церквями и на дни православных праздников, с закрытием всех кабаков [к. 53.] до окончания богослужения. Тогда, в свою очередь, прибывающие на ярмарку римско-католики станут заглядывать в церкви, а чрез это знакомиться с православным, более великолепным, чем их костельное богослужением; и сблизиться таким образом и с самим православием.

- 30) Известно мне, что в прежнее время ксендзы, при совращении воссоединенных крестьян в латинство, представляли им на вид, что они, оставаясь в православии, должны работать на попа, идти к нему на панщизну, как к какому-нибудь пану (разумея под этим постановление 1842 года об обработке 10 десятин земли для священника прихожанами), доставлять [к. 53 v.] дрова на отопление, строить дома для причтов и ремонтировать их на свой счет и проч., между тем как прихожане римско-католики не обязаны ничего этого делать для своих ксендзов; нет сомнения, что ксендзы указывают на это, из-под руки, как православным, так и своим римско-католическим крестьянам и в настоящее время, и чрез это поселяют в них нерасположение к православным священникам, поэтому следует подобное постановление применить и к римско-католическим костелам. Оно уже применено в прошлом году в Царстве Польском.
- 31) Подобно семинарским, [к. 54.] нужно преобразовать и костельные библиотеки; нужно исключить из них все польские книги светские, а из духовных оставить только, по содержанию их, безвредные православию (латинских же книг вовсе не трогать), но зато на костельные деньги снабдить их книгами и журналами русскими, преимущественно духовного содержания, местные же литературные органы: „Виленский Вестник” и „Вестник Западной России”, костелы должны выписывать обязательно; а последним журналом, могущим доставить для ксендза более полезное чтение, чем все другие книги, снабдить эти библиотеки за все прежние годы [к. 54 v.] его издания, по пониженной цене.

Чтобы не успели ксендзы припрятать где-нибудь подлежащие исключению книги, нужно сделать осмотр библиотек во всех кляшторах и костелах одновременно и внезапно, поручив это дело секретно лицам, знающим польский язык.

- 32) Запретить православному духовенству и всем гражданским и военным чиновникам, чтобы они тривиально обращались с римско-католическим духовенством, в разговоре с римско-католиками не оскорбляли бы их религиозного чувства разными сарказмами, ругательными и бранными словами и неприличными отзывами [к. 55.] о римско-католической вере, ксендзах и о папе, а при бывании в костелах вели бы себя здесь как по-

добает христианину в христианских храмах. Порицание и поругательство над чужой верой и над ее представителями духовенством, всегда жестоко оскорбляет ее последователей, ожесточает их против порицателей и чрез это еще более отвращает их от веры сих последних и в то же время еще тверже укрепляет их в своей.

Такое бестактное и с тем вместе бесцельное, к сожалению проявляющееся во многих местах Края поведение наших русских чиновников, относительно римско-католичества, есть ревность не по разуму и весьма вредит [к. 55 v.] делу обрусения оно, то же самое можно сказать и о ругательных выражениях относительно римско-католической веры, костела и ксендзов, употребляемых с некоторого времени в нашей местной прессе, и тем более нужно воздерживаться от них, что большая часть из них не выдерживают никакой критики, напр., название костелов кумирнями, капищами, а святых Римской церкви идолами и т.п. Правда не нуждается в лжи и брани, а она на нашей стороне. По тем же самым причинам не следует разрушать кресты и статуи по дорогам, площадям и при костелах, первые составляют [к. 56.] предмет благоговения и для православных и воздвижение их нисколько не противится самому древнему обычаю первенствующей церкви Христовой – „крест на храмах, крест на вратах, крест на площадях, крест на распутиях” и проч., говорит в одной из бесед своих св. Иоанн Златоуст. Об этом обычае, введенном в церкви со времени Константина Великого, говорит и Евсевий Новокессарийский епископ в своей церковной истории, – нужно только уничтожать на них польские надписи и с фигуры на распятии Иисуса Христа срывать неприличные фартушки. Существование статуй вредит только самому же римско-католичеству, ибо они даже у евреев служат поводом [к. 56 v.] к упрекам римско-католиков в идолопоклонстве; уничтожать как из первых, так и из последних только те, которые воздвигнуты в память польского какого-нибудь события, служащего политической демонстрацией России или православию, и уничтожать таковые не только извне, но и внутри костелов; сюда отнести нужно и римско-католические часовни.

- 33) Мятеж подавлен. Многие из ксендзов одумались уже, ум их довольно просветлел, и они могли в принятии в нем участия чистосердечно раскаяться, следовательно, нужно теперь и нам переменить с ними прежнее враждебное обращение на дружелюбное; [к. 57.] нужно воспользоваться моментов их раздумья, пробуждения от чада, моментом их раскаяния и попробовать, нельзя ли их самих из врагов православия и обрусения Края превратить в друзей того и другого, или по крайней мере расположить их к оставлению враждебных против того и другого действий; хотя от этих действий удерживает их военное положение Края и те разные правительственные меры, которыми ксендзы связаны, так сказать, по рукам и ногам, они не вредят нашей вере и народности только поневоле, из понуждения, из страха, а желательно было бы, чтобы они сделались такими по собственному влечению [к. 57 v.] своего сердца, – этого от-

части достигнуть можно и посредством нашего духовенства. Ксендзы, как бы ни были ожесточены против нас, но все-таки в их жилах течет единоплеменная с нами кровь, кровь славянская, мало того, кровь русская. Гостеприимство – первая добротетель славянина и ксендзы любят эту добротетель едва ли не более других сословий, а оно, т.е. выражаясь по русски, хлеб и соль, сближает дальних и мирит враждующих, нужно, следовательно, чтобы наше духовенство старалось сближаться с соседями ксендзами, делило с ними хлеб и соль, [к. 58.] приглашая их к себе сперва на храмовые праздники, а потом и на семейные, это сближение может принести весьма хорошие плоды – по крайней мере, ксендз из дома священника всегда может вынести и лучшее понятие о православии, и уяснение тех разностей веры, какие существуют между православной и римской церквями (и о которых он имел только одностороннее понятие, с точки зрения полемического учения, или иногда и никакого не имел понятия). Подчас священник всунет ему в руки при прощании и какую-нибудь назидательную книженку: „О главенстве папы”, „Письмо римско-католическому священнику”, [к. 58 v.] „Кто истинные католики”, „Отношения папы в римской церкви”, какой-нибудь номер „Вестника Западной России” и т.п., да и посмотрим, в последствии и сам ксендз станет похвалить православие, видеть в нем более правды, чем в латинстве, станет поселять эти идеи в его прихожан, настраивать их умы в пользу оставления латинства и может кончить принятием православия со всем своим приходом. В свою очередь дозволить и священникам бывать в гостях у ксендзов, в особенности в дни храмовых костельных праздников. Кроме сближения, здесь священнику может представиться удобный случай выказать римско-католикам превосходство [к. 59.] умственного своего образования пред ксендзом, и чрез это уничтожить их известные всем предубеждения, будто с просвещением ксендза никто не может сравниться, а тем более схизматицкий какой-нибудь попишка. Небезвредно также дозволить священнику присутствовать иногда в костеле и на богослужении, в алтарной части костела: это много польстит римско-католикам и следовательно смягчит их ненависть к православным священникам и расположит их затем к самому православию. Во время унии дети униатских священников воспитывались в духовных римско-католических школах, где им внушали самые превратные понятия о православии и православном духовенстве, [к. 59 v.] рассказывая о нем самые нелепые басни и поселяя в сердцах воспитанников отвращение и ненависть к бородачам, и бедные юноши на православных священников смотрели хуже, чем на жидовских раввинов и татарских мулл. Это я испытывал и на себе: но в 1829 году, когда я поступил, по окончании курса наук в ксендзовской гимназии, в бывшую Жировичскую греко-униатскую семинарию, случилось мне в первый раз в тамошней церкви встречать православных священников, не только являвшихся туда из любопытства, но и усердно молившихся пред чудотворной иконой. Это явление до такой степени подействовало на меня и на всех моих товари-

щей, что [к. 60.] не только перестали питать к священникам этим пожеланием ксендзами в нас отвращение, но стали относиться к ним даже в уважении, стали считать их такими же верными христианами, как и униаты, даже борода их и костюм, так много отменный от костюма униатских ксендзов, показывались нам более приличными духовному сану, чем последних – потому что тут же мы увидели и бороду, и подобие костюма на иконах Спасителя, Апостолов, св. Николая чудотворца и разных других святых угодников Божих, а даже свего подобные на образе Иосифа Кунцевича. Когда же благоразумный тогдашний ректор семинарии, протоиерей (ныне архиепископ) [к. 60 v.] Антоний Зубко дозволили одному полковому священнику отслужить в боковом приделе церкви и православную обедню, приказав присутствовать на ней и семинаристам, то мы, не нашедши существенной разницы с богослужением униатским, простояли обедню с благоговением и на православие стали уже смотреть как на истинную веру Христову, отличающуюся от униатской только признанием власти Св. Синода, упоминаемого в эктениях, вместо папы римского, да исключением из символа веры „и от Сына”. При виде православного священника, присутствующего в костеле, легко могут и римско-католики испытывать это же самое чувство [к. 61.] относительно и священника, и самого православия. А это немало может облегчить и в него их обращение.

- 34) Люди не знающие ни здешнего католичества, ни здешнего католического духовенства, думают обыкновенно, что оно стоит на высшей степени образования, чем духовенство православное и что у них проповедники чуть ли не массивоны и боссюэты – но такое мнение о превосходстве интеллекта ксендзов пред нашими священниками весьма ошибочно – мнимое это превосходство – предание старины далекой. Действительно, римско-католическое духовенство было образованнее нашего духовенства (и то в некоторых отношениях только), имело отличнейших проповедников [к. 61 v.] и образцовую духовную литературу, но это только тогда, когда в руках его находилось все просвещение Западной России, когда только при одних кляшторах существовали гимназии и все другие учебные заведения, когда из среды римско-католического духовенства назначались начальствующие и наставники этих заведений, окончивало его университетом, а потом обучением богословских наук в бывшей при Виленском университете Главной семинарии – вроде богословского при нем факультета. Эпоха эта была эпохой самого цветущего [к. 62.] состояния и римско-католической церкви, и ее духовенства, и польской интеллигенции в Западной России. Но это счастливое для римско-католиков в России время давно уже прошло, и прошло безвозвратно. Образование юношества из рук ксендзов исторгнуто с 1831 года, ксендзовских училищ нет, польского университета, содействующего к процветанию польской, значит и духовной литературы, не существует и наконец, та знаменитая польско-латинская главная семинария, бывший рассадник высшего духовного просвещения ксендзов, преобразована в Духовную

Академию, которая из Вильна перенесена в С.Петербург и в которой, как известно, теперь уже нет ни одного дельного профессора.

[к. 62 v.] Существует, правда, шесть епархиальных семинарий, в Западной России, но все они с православными семинариями не могут выдержать никакого сравнения, ибо они состоят только из философско-богословского класса, ограничивающегося только двухгодичным курсом и в них поступают юноши плохо подготовленные - не окончившие курса гимназии, или окончившие его, но плохо, частью даже ограничившиеся образованием уездных училищ. Состоящая из таких воспитанников семинария не может доставлять и в академию так хорошо развитых и разносторонне образованных студентов, каких доставляют в свои [к. 63.] академии отлично организованные православные семинарии. Кроме того, как в семинариях, так и в римско-католической академии образуют будущих пастырей весьма односторонне. Преподают науки по учебникам, одобренным папами, не позволяют воспитанникам читать сочинения пера иноверцев, в особенности православных, которые все внесены в index апокрифических книг; сравнительное богословие, знакомящее воспитанников православных с вероучениями и историей иноверцев – вовсе не преподается, а вместо его фанатизируют будущих пастырей своим богословием полемическим, вовсе не знакомящим не с историей, не с вероучениями других христианских вероисповеданий, а искажающим подлинный смысл [к. 63 v.] тех различий, которыми они отличаются от папства, и предлагающим наконец разные утонченности диалектики для порицания и опровержения этих различий. Из церковной же истории история восточной церкви (о церкви российской и говорить нечего), исключена совершенно. Набивают голову воспитанников понятиями о вероучении и искаженной истории только одной римско-католической церкви, вследствие чего входят из этих учебных заведений ксендзы грубые невежи, фанатики, вроде еврейских талмудистов и магометанских мулл. Бывают исключения, но весьма редкие – это тогда, когда ксендз поступил в академию из университета. При том же [к. 64.] число воспитанников Духовной Академии весьма ограничено и окончившие в ней курс студенты редко поступают в приходские ксендзы, а большей частью в семинарии начальниками и наставниками, членами капитул и консисторий – так что на долю приходского духовенства едва ли приходится их и пятый процент. Таким образом в пользу приходских костелов остается одно, часто даже и грубое невежество. Поэтому то в настоящее время получивший разностороннее образование в своей семинарии православный священник, даже окончивший в ней курс в последнем разряде, в беседе о предметах веры с ученейшим современным ксендзом всегда одерживает над ним победу, так что ксендзы, чувствуя [к. 64 v.] превосходство над ними ума священников, всячески избегают в обществе разговора с ними и предпочитают играть роль молчаливых, изъясняя своим это молчание смиренномудрением римско-католического пастыря и вследствие этого присутствующие его парафиане от-

носятся к нему еще с большим уважением. Но зато как они красноречивы и велеречивы бывают там, где не находят кто бы стал против них в оппозицию. В Западной России они преимущественно стараются и успевают в этом, прельстить своей нахальной диалектикой наших русских чиновников, большей частью не имеющих о римско-католичестве [к. 65.] никакого понятия, а о своем православии только такое, какое имеют о них сами ксендзы. Эти то собственно господа раструбили и трубят о мнимой учености и образованности ксендзов, они то собственно и опасаются за православие, если ксендз говорит в костеле по-русски. Вследствие такого низкого уровня образования ксендзов теперь, по крайней мере между молодыми, нет ни одного порядочного проповедника и можно положительно сказать, что из местечковых и сельских ксендзов нет ни одного, который бы мог состязаться в искусстве сочинения поучений с последним деревенским священником. В городах, в особенности епархиальных, хотя и найдется два-три порядочных [к. 65 v.] проповедника из академистов, но я не слышал ни об одном из них, который бы отличался особенным талантом в этом отношении – большей частью они заучивают наизусть и произносят поучения прежних, более талантливых проповедников, а нередко переводы французских, но если иногда захотят порисоваться пред слушателями оригинальностью своих поучений, то редкое из них отличается силой красноречия, а почти всегда вялостью и скучной растянутостью. Впрочем, недостаток искусства ксендзы проповедники стараются прикрыть театральными эффектами, для чего всегда произносят проповедь [к. 66.] наизусть с заученными пред зеркалом фарсами. Ксендзы настоящего времени также плохо знают латинский язык, знание его большей частью ограничивается едва ли только не одним чтением и изъяснением терминов латинского богослужения, потому что в семинарии и академии они поступают без всякой подготовки в этом языке, а двух-трех лет обучения в академии слишком недостаточно для понимания даже читанного, тогда как в православных семинариях изучение латинского языка начинается с низшего класса уездного училища и продолжается на протяжении 10-ти – 12-ти лет. Поэтому православный священник превосходит ксендза [к. 66 v.] даже и в этом, существенно необходимым для последнего знанием.

Одним словом, ксендзы как в духовном образовании, так и в искусстве проповеди далеко отстали от наших священников, а если вместо польского языка заставить их произносить проповедь по-русски, то она потеряет совершенно и то ничтожное обаяние на народ, какое она имела доселе на польском – долго ксендзу придется ломать свою голову, чтобы хорошо изучить и усвоить этот ненавистный для него язык, дабы он мог быть в состоянии произносить на нем наизусть поучение, а о импровизации ему и думать нечего, [к. 67.] на это не хватит другому и целой жизни. А пока в усвоении русского языка и изучении его словестности ксендзы сравниваются с нашими священниками, то до того времени много воды утечет, – едва ли дождется этого и само католичество в Западной

России. Впрочем, невежество ксендзов в сочинении хороших поучений не дает еще права нашему духовенству относиться к ним апатически, а нужно, чтобы в семинариях приучали воспитаников к произнесению их наизусть, чтобы они таким образом имели характер живой речи, всегда производящей большое впечатление на слушателей, хотя бы поучение и было посредственное, [к. 67 v.] чем прочитанное по тетрадке, самое лучшее в отношении искусства. Не мешает также обращать внимание на благопристойность манер, движение рук и на прочие внешние принадлежности церковных поучений, без соблюдения которых, или употребления несвойственных ни важности содержания их, ни месту, ни сану поучающего манер, не показался бы он народу смешным или неуклюжим. Необходимо также нужно возратить древний в православных церквях обычай произносить церковные поучения с кафедр, для чего в тех церквях, где их нет, следует немедленно устроить. Такие кафедры существовали в [к. 68.] бывших униатских церквях, существуют и ныне в православных кафедральных соборах, а по местам и в церквях монастырских. На юго-востоке Европы, у греков, болгар и сербов существуют они во свех церквях без исключения. С этих кафедр не только произносятся там поучения, но раздается слово Божие Евангелистов и Апостолов.

Произнесение проповеди с этих кафедр придает ей больше торжественности, она слышна по всем самым отдаленным местам церкви, не бывает такой давки и столько столпления народа к проповеднику, каковое бывает при произнесении с амвона, и наконец, что всего важнее, придаст больше силы и значения слову, ибо здешний, как [к. 68 v.] воссоединенный, так и латинствующий народ, привыкший слышать поучения с таких кафедр, слушает их с большим вниманием, чем с амвона, на котором звуки проповедника замирают большей частью на недалежном от него расстоянии. Отчего в бывших униатских церквях, а ныне в римско-католическом костеле поучения с амвона произносятся только по будним дням, и то при малом стечении народа. К чему же трудиться надо произношением проповеди, когда мы наперед знаем, что она будет услышана только незначительным меньшинством предстоящих. Да столь полезное, [к. 69.] даже необходимое учреждение кафедр в православных церквях может ли хоть сколько-нибудь профанировать их, когда эти кафедры допускаются в православных кафедральных соборах. Пускай одни архипастыри произносят поучения, – быть может, им неловко восходить на кафедру в полном облачении, – но все же следовало бы и им, чтобы могли быть видимы и слышимы от народа, восходить для проповеди, по крайней мере, на свой трон, как это делали древние христианские ораторы: Григорий, Ефрем, Василий и пр. История Евсевия ясно свидетельствует, что они поучали народ из своих кафедр, под именем [к. 69 v.] которых современные толкователи понимают возвышенный престол, т.е. трон епископа. Ныне часто приносят поучения из этого трона митрополит киевский Арсений.

Мне часто случалось слышать упреки православным со стороны римско-католиков, что у них слушать проповедь все стекаются в костел и не оставляют его до окончания, а у нас православных напротив, при самом начале ее большинство оставляет церковь, прогуливается вокруг нее до окончания проповеди, или и совсем уходят домой. Факт совершенно верный, но неверно толкование его причины. Католики говорят, что народ выходит из [к. 70.] церкви по причине безыскусности поучения, а между тем на самом деле оставляют церковь только те, которые, стоя вдали от проповедника, не могут его расслышать. Впрочем, если стечение в церкви народа небольшое, то можно произносить поучение и с амвона.

Нужно, наконец, православным священникам строго вменить в обязанность, чтобы произносили поучения во все воскресные и праздничные дни, после литургии, а в храмовые и более торжественные праздники и на вечерни. И это строго наблюдать, в особенности в тех местах, где кроме церкви есть римско-католический костел.

[к. 70 v.] 35) Во многих православных церквях древность сохранила метрические записки, веденные на русском языке, в которых встречаются записанными окрещенными в православие фамилии, которые, в известном приходе, существуют и ныне, но уже исповедующие латинскую веру. Эти записки составляют весьма победоносное против ренегатства оружие, которое в руках ловкого священника может послужить лучшим орудием к возвращению их к вере предков – вере православной. Есть между этими ренегатами и такие старожилы, которые помнят, что их деды были православные. К таким то [к. 71.] прежде всего и нужно священнику обратиться с указанием на эти записки и на предание, сохранившееся в их памяти, с убеждением покинуть навязанное насилем их православным, русским предкам латинство, а возвратиться к национальному православию. Примеру обращения их непременно последуют и другие, предки которых записаны в православной метрической записи, а затем легко обратятся в православие и остальные римско-католики, хотя фамилии их и не встречаются в этих записях.

- 36) В те православные приходы, в пределах которых находятся римско-католические костелы, следует назначать священников самых образованных, [к. 71 v.] испытанных в проповедании слова Божия и отличающихся хорошим поведением и высокой нравственностью, но так как такие священники заслуживают получение приходов первых трех классов, а между тем приходы, где находятся костелы, бывают нередко последнего класса, с небольшим окладом жалованья и таким же наделом земли, то справедливость требует, чтобы таковые приходы возведены были в первоклассные как по жалованью, так и по наделу угодьями, вследствие чего достойные священники будут охотно переходить на такие приходы и в то же время будут располагать средствами к приличному образу жизни, почти такими же, [к. 72.] какими располагает сосед их ксендз, в особенности тогда если жалованье ксендзов сравниют с окладами жа-

лованья православных священников. Священников же достойных занимать эти приходы, то есть таких священников, которых смело можно было бы противопоставить любому ксендзу, найдется много.

В таких приходах непременно следует заводить хорошие хоры певчих, которых не мешает по праздничным дням одевать в особый костюм, для большей представительности и в противоположность костелам, в которых прислугу, состоящую из мальчиков, одевают по будням в белые комессы, а по праздникам в красные шерстяные пелеринки.

[к. 72 v.] Не мешает также в таких церквях противопоставить костельным пессиям, совершение пессии в церквях на вечерни, по пятницам Великого Поста, что с давних времен соблюдается в Малороссии и моголевской, витебской, курской и орловской епархиях. Богослужение это состоит: а) из торжественного чтения посреди церкви священником, облаченным в черную фелонь, страстных евангелий, – во время чтения которых народ и духовенство держат в руках зажженные свечи, б) из поучений, произносимых лучшим проповедником, в) и из разных припевов и песнопений, содержащих воспоминание о страданиях Христовых на Голгофе.

[к. 73.] 37) Успеху в деле обращения римско-католиков в православие могут много содействовать церковные братства, если только вменить им в обязанность поставить это дело на первом плане их деятельности. А именно: а) все братья и сестры известного прихода должны не пропускать ни одного случая, чтобы при личных сношениях с равными себе по сословию римско-католиками располагать их разумными внушениями к принятию православия и не должны смущаться первой неудачей, а преследовать проповедь свою все частно и повсеместно; б) принимать под свое покровительство и защиту новообращенных, гонимых, или претерпевающих разные прижимки, наругательства и оскорбления от [к. 73 v.] своих родных и чужих римско-католиков; помогать новообращенным, в случае их бедности, посильными денежными средствами, или приискивать для них возможность питаться от трудов рук своих; ходатайствовать у начальства об определении на должности принявших православие чиновников, если братство удостоверится об их честности и добром поведении; по возможности заботиться о приобретении на свои денежные средства обличающих папство и знакомящих с православием книг и брошюр, с целью распространения их как между грамотными жителями своего православного прихода, так и между обитающими среди православного населения [к. 74.] римско-католиками; делать наконец под председательством местного приходского священника экстренные по мере надобности, собрания, для обсуждения разных мер к успешному обращению в православие местных римских католиков. Братствам этим не мешало бы иметь и секретное наблюдение за духом, направлением и влиянием – полезным или вредным на народ, русских чиновников, в особенности тех, которые по своей должности могут иметь это влияние, и если оно заметит за кем-либо из них дурное на-

правление и зловредные внушения народу, то о таковых должно доводить до сведения своего священника, а этот, удостоверившись [к. 74 v.] в справедливости сведения, доносит о таковых чиновниках или губернатору, или главному начальнику Края. Это воздержит многих неблаго-разумных от желания играть в гуманность и популярность.

- 38) С вышеизложенной целью учредить братства во всех приходах, где находятся римско-католические костелы.

В несчастные для Западной России времена, когда польское владычество успело распространиться до берегов и за берега Днепра и когда вместе с тем римское католичество угрожало православию совершенным уничтожением в Западном Крае, – самым твердым оплотом против напора римской пропаганды были, как известно, [к. 75.] православные церковные братства, которым, между прочим, много обязан этот Край сохранением и духа православия, и духа русской народности. Правда, в настоящее, по поводу бывших недавно польских агитаций в Западной России, эти братства вследствие разных обстоятельств, прекратившиеся было, возобновлены по моей инициативе, а некоторые и вновь открыты. Есть основание думать, что эти братства, к которым так сочувственно относилось русское общество, не только останутся опорой православия на западе России, но и совершенно вытеснят из русских пределов польско-латинскую пропаганду. Нужно только для всех их одну [к. 75 v.] цель для их деятельности, т.е. нужно так преобразовать уставы братства, чтобы они направляли свою деятельность к достижению этой последней цели. Братства эти даже наружной своей обстановкой должны привлекать расположенность римско-католиков к православию, чрез подражание, или, лучше сказать, сохранение обычаев, перенесенных от православных в римско-католические братства, существующие почти при каждом костеле с целью противопоставления братствам православным. Именно: каждое братство должно иметь в церкви свое знамя с изображением того святого, во имя которого оно учреждается, братчики и сестры должны иметь [к. 76.] свои свечи, с которыми участвуют в крестных ходах, на похоронах умерших братчиков и во время чтения евангелия в воскресные и праздничные дни; с особенной торжественностью праздновать день открытия братства и память святого, в честь которого оно установлено. Весьма полезно было бы также, если бы в эти торжественные для братства дни оно устраивало общее приличное угощение, на которое бы приглашало и своих соседей римско-католиков – хлеб и соль чрезвычайно сближают людей друг с другом, да сверх того, так много чуждающиеся, по внушению ксендзов, православных церковей римско-католики, хоть на эту приманку стекались бы на торжественное православное богослужение, конечно, вынесли бы из [к. 76 v.] церкви и о православных обрядах, и о самом православии, а таким образом перестали бы верить превратным о нем внушениям ксендзов – и это был бы большой шаг к совершенному переходу их в православие. Римские католики, привыкшие видеть свои костелы украшенными

- в большие летние праздники живыми цветами, что может, мне кажется, мешать целостности и святости православия, если бы духовенство наше, а преимущественно братства, могущие скорее всегда найти у себя под рукой средства к этому, озабочивалось бы украшать зеленью и цветами в эти дни православные церкви. Эти невинные и [к. 77.] приятные для глаз украшения с одной стороны, служили бы символом и красоты евангельских добродетелей, и истины, проповедуемой в храме, и таинственного влияния духа жизнью – Духа Святого, животворящего, дающего жизнь всякой твари под небесем, и придавали бы вид большой торжественности совершаемому в храме богослужению, и наконец, еще больше бы располагали римско-католиков к посещению церкви, привыкших видеть украшенные цветами свои костелы. Вообще заметим, что в церквях, по соседству с которыми находятся костелы, нужно по праздникам совершать богослужение с большой торжественностью и с более изящной обстановкой, чем в [к. 77 v.] тех, где народонаселение все православное, потому такие приходы должны быть двуклирные, а если и одноклирные, так неприменно с диаконом.
- 39) Делать по временам собрания священников по благочиниям, под председательством благочинных, с приглашением принять участие в совещаниях одного или двух почетнейших членов церковных братств из всего известного благочиния, но с тем впрочем, чтобы это участие допускалось только в тех заседаниях собрания, в которых присутствие их будет сочтено нужным благочинным, по предварительному его соглашению с духовенством. На этих собраниях, кроме обсуждения [к. 78.] о всех потребностях церкви и нуждах духовенства, кроме примирения враждующих и решения разных вопросов и неудоений, кроме, наконец, взаимного обмена мыслей духовенства о разных, касающихся церкви предметах, следует еще рассуждать о мерах к успешному обращению римских католиков в православие, о причинах, препятствующих к обращению их в известном приходе, следовательно, и о средствах к удалению этих причин. С этой же целью не мешает делать одинажды или два раза в году собрание всех благочинных в епархиальном городе, под председательством кафедрального протоиерея или самого архиерея. Но чтобы [к. 78 v.] эти собрания беспрепятственно могли достигать своей цели, а члены их могли безбоязненно выражать свободное свое мнение, необходимо нужно ввести, по примеру некоторых епархий, начало свободного выбора благочинных самим духовенством.
- 40) Правительство позаботилось о привлечении русских людей к покупке имений в Западной России, с предоставлением им огромных льгот и пособий, с той же собственно целью, чтобы только доставить им возможность почти даром приобрести [к. 79.] имение, поэтому, при заключении купчих крепостей, нужно отбирать от покупателей со льготами имений, подписки в том, что они обязуются убеждать римских католиков, среди которых они поселяются, возвратиться к вере их предков. Впрочем должно сказать правду, что от этой меры, придуманной правительством

для обрусения здешнего края, едва ли можно ожидать вожделенных результатов, потому что переселяющиеся сюда из внутренних губерний русские люди вовсе не знают ни поляков, ни римского католичества, ни характера и духа здешнего народа, ни его, наконец, обычаев, истории и преданий; притом же [к. 79 v.] эти люди бывают большей частью то нигилисты, то космополиты, то по крайней мере гуманисты, неспособные в поляках видеть врагов отечества, а только угнетенных за ойчизну страдальцев; то нужно стараться правительству, чтобы имения, расположенные среди римско-католического населения, доставались людям русским, но или уроженцам здешнего края, или долго здесь проживающим, или наконец новообращенным в православие из римских католиков. Эти люди своим влиянием на хорошо знакомый им народ, из одного уже естественного в человеке чувства амбиции, постараются лучше всякого природного великорусса, как [к. 80.] можно более приобрести вокруг себя прозелитов, подражателей их примеру, да и никто больше из древле православных и не сумеет лучше их взяться за это дело.

- 41) Воспретить странствование по деревням дедам и нищим римско-католического исповедания, – это тоже, подобно братчикам, род агентов и ксендзовских шпионов, часто пускающих в ход между невежественным народом разные клеветы и басни в предосуждение православной вере и православному духовенству, и в то же время распространяющих молву о мнимых чудесах от чудотворных икон и мощей, находящихся в известных дальних костелах, с клятвенным иногда [к. 80 v.] уверением своих слушателей, что эти чудеса совершались в их глазах над некоторыми неизлечимо больными и изувеченными, а иногда и над ними самими. Не позволять, разумеется, скоплений этих нищих и на костельных папертях во время храмовых праздников и кермашей.
- 42) Запретить совершение в костелах сорокачасового богослужения, по причинам, изложенным в особой, представленной мною в Комиссию по делам римско-католического духовенства, записке.
- 43) По случаю военного положения в Западной России устроены в разных местах жандармские команды, в составе которых всегда находятся грамотные нижние чины. [к. 81.] Они постоянно имеют дружественные сношения с простым народом и мелкой шляхтой, и могли бы поэтому иметь на них большое влияние относительно расположения их к принятию православия, если бы военное их начальство вменило им это в обязанность; но чтобы жандармы умели вести это дело с успехом, нужно, чтобы они сами были хоть сколько-нибудь ознакомлены и с римско-католичеством и православным вероучением, и с историей здешнего Края, – поэтому следует учредить при каждой команде библиотеку, снабдить ее знакомящими с тем и другим книгами и брошюрами, содержание которых они [к. 81 v.] приводили бы в сознание римско-католического населения. Подобные библиотеки не бесполезно было бы также учредить при квартирах станových приставов, при волостных правлениях и в сельских училищах.

- 44) При проездах по епархии римско-католических епископов запретить публичные торжественные встречи и проводы их с музыкой, с посыпанием пути цветами через наряженных в белые платья мальчиков и девочек, с пением гимнов и кантат, с колокольным звоном и со всякого рода другими овациями, к числу которых принадлежат провожание епископа от места до места толпой помещиков в экипажах [к. 82.] и столпление народа во время шествия его в костел. Дозволить только обычную встречу его в костеле со стороны духовенства. Торжественные встречи могут быть дозволительны только в отношении архиереев господствующей религии в государстве.
- 45) По законам Российской Империи терпимость в ней иностранных вероисповеданий обусловлена безвредностью их интересам государства и господствующей религии – православия. Теми же законами римско-католическое вероисповедание в Империи признается вероисповеданием иностранным, но это последнее обстоятельство неизвестно публике, так что она привыкла смотреть на [к. 82 v.] него как на польское национальное вероисповедание в Западной России, поэтому о существовании этого закона следует объявить всенародно, посредством газет столичных и местных губернских и епархиальных ведомостей. А так как римско-католическое вероисповедание всегда вредило и теперь не перестает вредить интересам и России, и православия, то объявить его вместе с тем и лишенным прав веротерпимости, – тогда и все вышеприведенные меры для его уничтожения возьмут характер легальности и в глазах Европы, и в глазах здешних римско-католиков, и в глазах самого папы, и наконец в глазах [к. 83.] наших русских гуманистов.

Для приведения этих мер в исполнение самое благоприятствующее время теперь, когда страна еще под благодатным обаянием чувства благодарности к царю-освободителю, ненависти к панам и ксендзам, которых они считают за одно с панами сговорившимися [против] их благополучия, когда вследствие всего этого видимо сближаются они с православными, как старшими подданными Государя: служат вместе с ними благодарственные молебны в православных церквях и нередко участвуют своими приношениями в сооружении икон и целых [к. 83 v.] пределов в память их освобождения и чрез это сближаются и с самим православием и с православными пастырями, советы которых в разных делах часто предпочитают советам своих ксендзов, когда пришли в сознание, что они не поляки, но русские, когда наконец и все другие сословия римско-католического населения, от бедного шляхтича и уволенного от службы чиновника до крупного пана, не досчитавшись после мятежа кто сына, кто брата, кто мужа, кто племянника, и многие обеднев совершенно, по причине исторгнутых у них часто насильно офяр на польскую справу, а потом контрибуций за сочувствие к мятежу, считают главными [к. 84.] виновниками всех этих лишений и бедствий своих ксендзов, поэтому питают к ним страшное, похожее на ненависть недоверие, даже отвращение. Одним словом, теперь то собственно самый удобный и лучший момент для правительства, чтобы покончить однажды навсегда со зловред-

ным для Западной России римским католичеством. Пройдет этот момент, что при церкви латино-польской, находящейся еще теперь под влиянием польской пропаганды, весьма скоро может случиться, тогда и приложенные мною меры сделаются бесплодными.

Непосредственное наблюдение за приведением в исполнение этих мер возложить на существенную по делам римско-католического духовенства Комиссию. А в помощь ей небесполезно учредить при гражданских [к. 84 v.] губернаторах губернские комитеты по делам римско-католичества, членами которых назначать духовные и светские хорошо с ними знакомые лица, преимущественно из местных уроженцев, подчинив эти комитеты ведению Комиссии и снабдить их обширными, составленными под руководством Комиссии, инструкциями.